

Полина Луговцова

12+

Неживения -

призрачная страна

Неявь-мира

Полина ЛуГОВЦОВА

**Неживения – призрачная
страна Неявь-мира**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Луговцова П.

Неживения – призрачная страна Неявь-мира / П. Луговцова —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-05081-5

Неживения - это особенная страна Неявь-мира, где обитают души умерших волшебников. Никто из живых не смеет проникнуть туда, понимая, что обратно может и не вернуться. Ваня вынужден отправиться в опасное путешествие, потому что угроза, исходящая оттуда, проникает не только в Неявь-мир, но и в его реальность. Ему вновь приходится верить в чудо, ведь он совсем не знает, как остановить Вечную Тьму, стремящуюся лишь к одной цели - чтобы нигде ничего, кроме нее, не было. Ване кажется, что он застрял в страшном сне навсегда. И там однажды он узнает, зачем светят звезды. На обложке фото с сайта pixabay.

ISBN 978-5-532-05081-5

© Луговцова П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Благовей, Неживей и волшебная палочка	5
Тревожные знаки	9
Страшная находка	14
Глаза – зеркало души	19
Злостни – непрошенные гости	24
Судьбоносные Врата Неживении	29
Зырготсок и Мертвый Лес	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Благовей, Неживей и волшебная палочка

Вулкан дрожал. Камни скатывались по его трясущемуся склону, высоко подпрыгивая. Некоторые долетали до ног Благовея и бились о них, но великий волшебник, казалось, не замечал боли от ударов и лишь пошатывался от толчков, чудом сохраняя равновесие. Его тревожное лицо было обращено к вершине горы, где находилось жерло. Прежде добела раскаленное и испускающее клубы серебристого дыма, теперь оно потускнело, утратив былое сияние, словно невидимый гигант закрыл свет, исходящий изнутри, остановив рождение звезды. Ведь этот вулкан был не простой, а Звездный, и в недрах его плескалась не расплавленная лава, а звездное вещество, из которого появлялись новые звезды. По подсчетам и приметам, как раз приближалось то самое время, когда должен был наступить этот восхитительный момент. Такое случалось раз в несколько тысяч лет и должно было вот-вот начаться. Но что-то произошло со Звездным Вулканом. Кто-то остановил рождение нового светила, прервав появление нового мира. И, похоже, Благовей догадывался, кто это мог быть.

В подтверждение своих тревожных мыслей волшебник увидел тонкую струйку черного дыма, выплывшую из угасшего жерла. Но дым не рассеивался, а, извиваясь шелковой лентой, поплыл к Благовею. Серпантинном покружив вокруг него, дым собрался в комок, образовав шарообразный сгусток, и продолжал менять форму. В скоплении мрака проступил человеческий силуэт. Мужская фигура парила, едва касаясь земли, и колыхалась от ветра. Ее можно было бы спутать с тенью, если бы не глаза, похожие на раскаленные докрасна угли. Они сверлили волшебника ненавидящим взглядом. Какое-то время двое молча изучали друг друга, не двигаясь. Потом на лице бесплотного существа черной дырой открылся рот, и раздался глухой шипящий голос:

– Ш-ш-ш-ш-што, не ш-ш-ш-ш-шдал?!

– Что же ты наделал, брат Неживей! – Волшебник потрясенно вздрогнул, разглядев в дымном сгустке знакомые черты. – Ведь ты мог стать сияющей звездой, а вместо этого выбрал темную сущность!

– Щ-щ-щ-швеж-ж-ждой! Ж-ж-звездой! – Из дыры-рта раздался хрип, отдаленно напоминающий смех, а затем послышалось невнятное шипение. Существо пыталось сказать что-то, но слова давались ему с трудом. Наконец, хриплый бессмысленный свист перешел в более или менее внятную речь.

– Непросто разговаривать, когда у тебя нет языка. – Снова шипение, и Неживей продолжил: – Не думал, что когда-нибудь увижу этот мир.

– Как ты очутился здесь? – недоумевал Благовей. – В этот мир нет пути из призрачной страны!

– Не было. – Голова черной фигуры качнулась. – Теперь, как видишь, есть! Вечная Тьма на многое способна, даже нарушить неприкосновенность твоих границ, брат Благовей.

– Ты склонился перед Вечной Тьмой? – В голосе волшебника прозвучало презрение. – Как ты мог?!

– Склонился? Нет, что ты! Я вступил с Вечной Тьмой в сотрудничество! – Существо, названное Неживеем, засмеялось, и смех этот был больше похож на свист. – Я помогу ей, она – мне.

– Что же она может дать тебе, кроме вечных страданий, глупец? – Благовей вскинул голову, и его острая бородка возмущенно взметнулась вверх.

– Гораздо больше, чем ты думаешь-шь... – зловеще прошипел бесплотный Неживей. – Многие тысячелетия я томился в ожидании, когда же, наконец, дойдет до меня очередь воссиять звездой на небе. Но она все никак не доходила. Сколько я должен был ждать этого радостного события? Миллион лет?

– Ты же знаешь, что для этого нужно иметь достаточно сильное сияние добра, – ответил Благовей. – Чтобы переродиться в звезду, нужно заслужить это.

– А разве я не заслужил? – Неживей захохотал, но зашелся в приступе кашля, весь задрожал и потерял четкость контуров, а голова его расплылась, но через мгновение приняла прежние очертания. Существо заговорило снова, в его шипящем голосе звучала горечь: – Ты многих отправил в небо, брат Благовей! Многих! А я все ждал и ждал, надеясь, что в следующий раз звездой стану я. Почему ты до сих пор не сделал этого? Считаешь меня, правителя Неживея, недостойным?

– От меня это не зависит, – возразил волшебник.

– Как же, так я тебе и поверил! – Неживей взмахнул руками, и пальцы его дымными струйками потянулись вверх. – Ты всегда недолюбливал меня, когда я еще был жив. С самого детства считал меня недостаточно добрым для настоящего волшебника.

– Это неправда. Все это внушила тебе Вечная Тьма. Она посеяла в тебе обиду, чтобы ты стал предателем, – отвечал Благовей, зная, что уже слишком поздно и словами ничего нельзя исправить.

– Я никого не предавал! – Неживей издал резкий протестующий свист. – Просто сделал свой выбор! Мне надоело изнуряющее ожидание, я больше не хочу быть звездой! Вечная Тьма обещала сделать меня правителем всех миров! Обещала вернуть меня в мир живых, в твой мир, Благовей. И тогда тебе придется уступить мне власть.

– Разве тебе мало власти?! – возмущенно воскликнул Благовей. – Ты – правитель всей Неживении, огромной призрачной страны!

– Правитель призрачной страны! Ха! – Неживей задрожал, сдерживая смех, чтобы снова не расплыться в бесформенную тучу. – Видел бы ты это место! Скука смертная! Призрачные люди, призрачные дома, призрачные реки, призрачное небо! Все не настоящее. Власть там не приносит наслаждения, потому что так же призрачна, как и все остальное!

– Власть дается не для наслаждения, а чтобы поддерживать порядок, – ответил Благовей. – Ты, я смотрю, слишком страдал от недостатка удовольствий, поэтому Вечная Тьма так легко сманила тебя.

– Да! И что? Вечная Тьма даст мне больше, чем я имел или мог иметь когда-либо благодаря твоим хваленым добродетелям! Кому оно нужно, твое добро? Я помогу Вечной Тьме, отправлю в Явь-мир злостней, и они отнимут у людей сияние добра. Мощь Тьмы возрастет, и она наградит меня. Тьма обещала, что я буду править не только миром мертвых, но и миром живых.

– Не делай этого! – Благовею стало страшно. Он и подумать не мог, что его брат пойдет так далеко. – Тьма ничего тебе не даст! Она вырвется на волю, заполнит собой миры, и конец!

– Ты врешь! Миры не погибнут! – воскликнул Неживей, но его голос прозвучал не очень уверенно. – Да, я выпущу Вечную Тьму, но не так это и страшно, как ты думаешь! Конечно, власть свою ты утратишь и звездочки в небо больше не будешь запускать. Но ничего, будешь служить мне и Вечной Тьме.

– Да ты глупец! – Благовей дрожал от негодования. – Говорю, она обманет тебя!

– Разве? Посмотри: вот он, я, стою перед тобой, воскресший из мертвых! И все благодаря ей! – Неживей протянул к волшебнику струящиеся дымные руки.

– Воскресший? – Благовей горько усмехнулся. – Ты считаешь, что Вечная Тьма дала тебе новое тело? Да она на это просто не способна. Она могла дать тебе лишь часть своего мрака. Ты всего лишь дым! Подует ветер, и ты рассеешься!

Для подтверждения своих слов волшебник дунул в лицо газообразного существа, и у того в голове появилась сквозная дыра. – Дым – вот что ты такое!

– Это только задаток, – ответил Неживей, помотав головой, чтобы лицо вернулось на место. – Я должен исполнить просьбу Тьмы и тогда получу обещанное.

– Вот увидишь, только Тьма будет править, когда получит власть.

– Сколько можно говорить об одном и том же?! – В голосе Неживея послышалось раздражение. – Ты никогда меня не поймешь. А жаль, я надеялся, что ты сам отдашь мне волшебную палочку.

– Даже не пытайся! – Благовей спрятал руки за спиной, крепко сжимая предмет, который считал священным. Это была не просто какая-то волшебная палочка, способная наколдовать что-нибудь вроде кролика или корзины фруктов. Это была *звездная* палочка, подаренная ему самим Вечным Светом. Она притягивала звездную пыль из космического пространства и наполняла ею жерло Звездного Вулкана, где та варилась, как снадобье в котле, в течение многих тысячелетий, смешиваясь с сиянием добра, излучаемого волшебниками призрачной страны. И время от времени новые звезды взмывали оттуда в ночное небо.

Из этой же звездной пыли Благовею удалось создать непроходимый барьер между Явь-и Неявь-миром, что спасло лишенный волшебства Явь-мир от вторжения ведьм и колдунов. Ведь в том мире, созданном по другим законам Вселенной, жили обычные люди, не наделенные никаким магическим даром. Они не могли видеть черных магов и погибали, не понимая, что с ними произошло. Если бы не барьер, однажды Явь-мир бы просто исчез. Да и в Неявь-мире сгущались тучи, потому что сила черных магов крепла с каждым годом и они стали пытаться взять власть над добрыми волшебниками.

К счастью, Вечный Свет вовремя пришел на помощь и подарил Благовею звездную палочку. «Вечный Свет, создавший все сущее», – говорили о нем с трепетом. А случилось это так: однажды Благовей стоял под старым дубом, и сверху к ногам его упал какой-то длинный и легкий предмет, стукнувшись о носок его сапога. Волшебник решил, что это сломавшаяся от ветра сухая ветка. Но когда поднял, сразу понял, что держит в руках волшебную палочку. Она была длиной в половину его руки и изготовлена из сияющего серебристого металла с рисунком из семиконечных звезд по всей поверхности. Благовей с любопытством и восхищением рассматривал удивительный предмет, а голос Вечного Света шепнул ему: «Твори добро». И Благовей стал творить.

С тех пор он бдительно следил за тем, чтобы никто не нарушал барьер, укрепляя его время от времени звездной пылью. А чтобы никто не мог завладеть волшебной палочкой и пересечь границу между мирами с недоброй целью, волшебник сделал так, чтобы нельзя было найти дорогу к Звездному Вулкану, у подножия которого обосновался. Только брат Неживей знал это место. Иногда в ворчании вулкана, доносившегося из жерла, Благовей различал его голос и говорил с ним. Давным-давно у Благовея и Неживея были другие имена, которые они оба начисто позабыли. Новые имена появились, когда Благовей стал руками Вечного Света, а брат его умер и стал Неживеем – правителем Неживении, призрачной страны потустороннего мира, где обитали добрые волшебники, умершие в разные времена. Пока они проживали новые жизни в ожидании воссоединения с Вечным Светом, души злых колдунов не могли помешать им, потому что были заключены в пространстве Вечной Тьмы – жутком и тоскливом месте, состоящем из одного лишь мрака. Вековой порядок казался нерушимым. И вот теперь брат Неживей стоял перед ним, протягивая бесплотные черные руки в надежде отнять у Благовея его святыню.

«И ведь отнимет!» – с ужасом понял Благовей. Он почувствовал страшную темную силу, исходящую от призрака, и увидел, что Неживей начал расплываться, теряя человеческие очертания и превращаясь в черное пятно. Струйки черного зловонного дыма потянулись от него к волшебнику, к его горлу, плечам, рукам, сдавливая, точно в тисках. Пальцы Благовея разжались, и волшебная палочка со звоном упала на камни, но тут же поднялась и поплыла по воздуху, уносимая черной дымкой. Волшебник попытался закричать, но черная удушливая пелена окутала его лицо, накрыла нос и рот. Лишь глаза остались открытыми и увидели все, что случилось потом.

Вдалеке, со стороны рыжих холмов, окружавших Гиблое Место, показалась странная процессия тощих людей в лохмотьях. Они стремительно приближались, но не шли, а летели по воздуху, не касаясь ногами поверхности земли. Лохмотья развевались, обнажая черные искоженные тела. Их вид был ужасен: пустые глазницы, раскрытые рты с обломками полусгнивших зубов, лысые черные черепа... Без сомнений, это были злостни – тела давно погибших в бою злых колдунов, одушевленных Вечной Тьмой. Сила волшебной палочки под управлением Неживея куда-то перемещала мертвяков. Неживей плавно взмахивал ею, словно дирижер музыкального оркестра. Вереница злостней черной вороньей стаей пересекла долину от холмов до подножия вулкана, и стая эта казалась бесконечной. Наверное, все покойники поднялись из земли по приказу мертвого повелителя. Магическая сила поднимала злостней вверх вдоль горного склона и сбрасывала одного за другим в жерло вулкана.

– Твой звездный котел послужит порталом между миром живых и мертвых, когда я разрушу барьер, – слышался сквозь пелену голос Неживея.

Сознание Благовея быстро угасало из-за недостатка воздуха. Черная дымка все еще плотно накрывала его рот и нос. Он вновь услышал голос брата:

– Оттуда они отправятся в Явь-мир. Жаль, что мы с тобой не договорились, брат. Я вовсе не хотел убивать тебя, но ты не оставил мне выбора, – продолжал говорить Неживей, и голос его звучал все глуше. – Я бы оставил тебе жизнь, но ведь ты призовешь на помощь Вечный Свет. Ты же у нас Великий Толкователь Языков и способен говорить с ним! Поэтому я не могу рисковать. Прощай! Свидимся в Неживении – стране вечных снов, там и поболтаем. Зато Вечный Свет не услышит тебя оттуда. Жаль, что так вышло, хороший был из тебя Звездочет!

Неживей еще говорил что-то, но Благовей больше не слышал его. Свет померк перед его широко раскрытыми глазами. Ночное небо отражалось в них россыпью звезд.

Тревожные знаки

День не задался с самого утра, даже, можно сказать, с ночи. Ведь таких кошмарных снов, как в этот раз, Ваня, наверное, ни разу еще не видел. Приснилось, будто в углу его комнаты, за шторой, притаился злостень. Тень от его тощего силуэта отчетливо проступала на ткани и шевелилась. Ваня стоял и смотрел, как черные пальцы, похожие на длинные корявые сучки, высунувшись из-за края портьеры, сминают плотную ткань, отодвигая ее и открывая взгляду худое костлявое тело, обмотанное обрывками полусгнившей тряпки, служившей существу одеждой. Возможно, давным-давно, где-то с десятков тысячелетий назад, эти обрывки могли быть роскошным нарядом могущественного колдуна, но от долгого лежания в земле превратились в лохмотья, почти полностью истлев.

Часть лысого черепа медленно выплыла из-за шторы, уставившись на Ваню глубокой пустой глазницей. Хотя нет, она не была пустой. Конечно, глаза там не было: оттуда на мальчика смотрела густая черная тьма, бездонная и бескрайняя, как космос. Проницательная Вечная Тьма. Ванин крик вырвался было наружу, да так и застрял в горле. Мысли беспорядочно металась в голове. Множество обрывочных воспоминаний крутилось вихрем, как стекляшки детского калейдоскопа. Мальчик вспоминал добрые дела, зная, что потустороннее существо боится этих воспоминаний, таких же губительных для него, как пламя для льда. Ваня остановил «калейдоскоп» и выхватил из хаоса одну «стекляшку». О, это было как раз то, что нужно!

Год назад, вернувшись из второго путешествия по Неявь-миру, он долго не мог спать по ночам. Злостни, самые жуткие создания из всех, которых он там встретил, стояли у него перед глазами. Эти безглазые и беззубые чудовища были куда опаснее хищных кровожадных зубокрылов и прожорливых пузатых жабобрюхов. Они не кусали, не пытались схватить свою жертву, лишь обнимали своими тонкими длинными руками и дышали в лицо смертной тоской. После их объятий сияние добра из человеческих душ исчезало, а его место заполнялось злом. С того момента человек был обречен служить Вечной Тьме, не имея возможности получить освобождение даже после смерти.

Против злостней не было оружия. Ведь они давным-давно были мертвы, и поэтому убить их было невозможно. Только одно средство отпугивало темных существ, и Ваня хорошо его запомнил. Этим средством были добрые дела. Стоило вспомнить хоть один добрый поступок, как злостень, шипя, точно испуганная кошка, мгновенно растворялся в воздухе. Таких воспоминаний Ваня накопил немало, чувствуя, что они ему пригодятся. Зажмурившись, он мысленно рассматривал картинку на кусочке «калейдоскопа»: вспоминал о том, как помогал соседке Ольге переносить через ступени подъездной лестницы тяжеленную детскую коляску с малышом. Еще подумал тогда: как же она, бедная, ее ворочает? И зачем делают такие неподъемные коляски?! Не понимают разве, что мамам не под силу такая тяжесть? Не везде ведь пандусы есть! «Спасибо, Ванюша!» – вспомнились ее слова и благодарная улыбка. «До чего ж ты замечательный парнишка!» – бросила она перед тем, как за ней захлопнулась дверь.

Ваня открыл глаза и вздрогнул. Сердце затрепыхалось испуганным зайчишкой. Злостень стоял прямо перед ним! Его глазницы, наполненные плещущейся тьмой, начали затягивать его сознание в свой бездонный омут. Усилием воли Ваня отвернулся от безглазого черного лица, лихорадочно соображая, почему же воспоминание не сработало. Этого поступка оказалось недостаточно, чтобы отпугнуть злостня. Мальчик искал другое воспоминание. Разноцветные стекляшки вновь завертелись в голове пестрым хороводом. Он выхватил наугад еще одну: еще одно доброе дело.

Ваня увидел себя в супермаркете, в очереди к кассе. Перед ним – три человека. В его руках – пакет с молоком; мама отправила купить, просила поторопиться. За кассой старушка складывает продукты в раздувшийся полный пакет. Пытается поднять трясущейся рукой.

Хочется ей помочь, но тогда покупку молока придется отложить на некоторое время, а за это от мамы может и влететь. Ваня колеблется, а старушка, шаркая, уже идет в сторону выхода. Он оставляет молоко на кассовой ленте, обходит очередь, натываясь на удивленные взгляды, и мчится вслед за сгорбленной фигурой, скособочившейся под тяжестью пакета с продуктами. Старушка вздрагивает и удивленно смотрит, как Ваня выхватывает у нее непосильную ношу. «Я помогу!» – говорит он ей и видит, как блеклые глаза наполняются благодарными слезами.

На дорогу ушло минут сорок, хотя дом оказался совсем недалеко. Просто шли они очень медленно: у старушки были больные ноги. За это время телефон в кармане куртки звонил раз пять, но Ваня не ответил. Знал, что это мама и что она будет кричать на него из-за того, что он так задержался. Он поговорит с ней позже, чтобы не расстраивать бедную старушку, которая и так вздыхала всю дорогу, сокрушаясь, что ей неудобно.

Вдруг воспоминание исчезло, а вместо него возникло другое: школьный коридор, наполненный младшеклассниками, орущими и бегающими, как на пожаре. Это не пожар, а обычная перемена. Ваня стоит у окна среди кучки мальчишек, увлеченно разглядывающих предмет в руках Коли Сорокина – авторучку, но не простую, а с эффектом «лазерной указки». Ничего особенного, конечно, но раз всем интересно, Ваня делает вид, что и ему тоже. Позже, когда уроки закончились, он нашел ее на полу, под Колиной партой, и забрал, думая, что вернет на следующий день, потому что Коля уже ушел. Но вернуть не получилось: он забыл ее дома. Когда Коля расспрашивал одноклассников, не видел ли кто его авторучку, Ваня почему-то промолчал: наверное, боялся, что подумают, будто он решил ее украсть. Хотя он не крал, и даже мысли такой не было. Просто подобрал, чтобы не взял кто-то другой.

Эта авторучка до сих пор лежала у Вани дома в ящике стола, вызывая приступы стыда. «Ведь ты хотел ее себе», – слышался шипящий шепот злостня. «Врешь! – мысленно запротестовал мальчик. – Я ее не крал!» «Конечно, крал. Ты взял чужую вещь, а это плохо. Очень плохо», – шипело существо, дыша в лицо ужасной вонью. Костлявые пальцы тискающими сдавили Ванины плечи. «Конец!» – мелькнула мысль, и мальчик почувствовал, как проваливается в черную бездну. Но в этот момент он проснулся. Долго не мог прийти в себя и избавиться от чувства обреченности. Даже осознание, что это был всего лишь ночной кошмар, который закончился, не приносило облегчения. Ваня знал, что сон приснился ему неспроста. Ведь злостни существуют. Могут ли они и в самом деле пробраться в этот мир? Вполне возможно. Раньше могли. И хотя это было давным-давно, много тысячелетий назад, еще до того, как Великий Благосей сумел закрыть границу между мирами, но кто знает, вдруг они вновь сумели найти лазейку?

Затем случилось еще одно странное происшествие. Ваня собрался на прогулку со Снежком и как раз спускался по ступеням подъездной лестницы, когда из-за двери одной из квартир послышались рассерженные крики, а следом раздался неистовый детский плач. Снежок залаял. Пес не любил, когда кто-то ругался, и так выражал свое недовольство. Дверь, за которой шумели, с треском распахнулась, ударившись об стену, и из квартиры вылетела соседка Оля – та самая, которой Ваня часто помогал переносить по лестнице детскую коляску. Лицо у неё было сердитое.

– Вечно твоя псина гавкает! Сколько можно?! Ребенка разбудили! – Ее неистовый вопль огласил весь подъезд. Ваня замер в недоумении, не понимая, отчего это всегда добрая и улыбкающая соседка так сердится.

– Простите, – пробормотал он, – но Снежок залаял, когда ваш малыш уже плакал. Он его не будил.

– Ты еще и споришь, нахал?! – Женщина вся затряслась от гнева. – Ходишь по утрам и вечно топаешь, аж стены трясутся!

Тут она запустила в него каким-то предметом и с силой захлопнула дверь. С потолка посыпалась штукатурка, а к ногам Вани со звонким шлепком упала замызганная тапочка. Сне-

жок залился лаем и рванулся к двери обидчицы, но Ваня дернул за поводок и помчался вниз, чувствуя, как на глаза навернулись слезы. За что? Ну, за что? Ведь он всегда ей помогал, а она орет на него с такой ненавистью! Может, у нее что-то плохое случилось? «Наверное, соседку еще раньше кто-то сильно рассердил», – решил он.

На этом странные происшествия не закончились. В школе Ваню неприятно удивила учительница английского Илона Марковна. Он даже не узнал ее вначале. Ее лицо, всегда излучавшее спокойствие и доброту, было перекошено от злости. Она ходила вдоль классной доски и с остервенением стучала каблуками так сильно, будто хотела пробить дыру в полу. Перепуганные дети молча следили за ней в ожидании, когда же она начнет урок. Наконец, она повернулась к ним, сверкая глазами, полными ненависти, и процедила:

– Что ж, тупоголовые... Думаю, вряд ли вы порадуете меня знаниями. Всем по двойке, и пошли прочь отсюда!

Дети ошарашенно заморгали.

– Почему всем двойки? Я выучила новые слова, могу рассказать, – робко пискнула Яся Королева, обычно смелая и бойкая, но сейчас растерявшая весь свой задор. Она едва успела пригнуться, и над её головой, шелестя страницами, просвистел учебник, врезавшись в стену рядом с ней. Ученики ахнули.

– Пшли прочь, бестолочи! Всем двойки за четверть! – взревела чужим голосом Илона Марковна и метнула в класс указку, которая ударилась о Ванину парту и разлетелась на несколько кусков.

Дети вскочили и бросились вон из кабинета, устроив давку в дверях, а на их головы градом посыпались разнообразные предметы, попадавшие Илоне Марковне под руку: карандаши и ручки, тетради и линейки, кусочки мела и прочие канцелярские принадлежности. Когда Ваня протискивался в двери, рядом с ним с оглушительным грохотом ударился в стену учительский стул, рассыпавшись на части.

Толпа перепуганных учеников помчалась по коридору, едва не сбив с ног директора. Тот сердито воскликнул:

– Что происходит?! Кто позволил устроить забег во время урока?!

– Сергей Иванович, нас Илона Марковна выгнала!

– Она взбесилась!

– Она хотела всех убить!

Ученики начали наперебой рассказывать о происшедшем. На лице директора отразилось недоверие. Он прошел по коридору к распахнутой двери и, едва успев войти, тут же выскочил оттуда, как ужаленный, а следом за ним вылетели и разбились об пол клавиатура и компьютерная мышь. В стороны брызнули осколки пластика.

– Черт знает что такое! – выругался директор, оглядываясь на дверной проем с ошалевшим видом.

– Пошли все прочь! – раздался оттуда истеричный визг.

В общем, все закончилось тем, что к Илоне Марковне вызвали «скорую помощь». От ее безумного воя, сравнимого разве что с воем раненого бегемота, содрогалась вся школа, пока медицинские работники вели по коридорам учительницу в смиренной рубашке.

Учеников отпустили по домам. Урок английского был последним. По дороге домой Ваня вдруг вспомнил о старушке, которой однажды помог донести продукты из супермаркета. С тех пор он раз в неделю приходил к ней, чтобы сходить в магазин, обычно по пятницам, потому что пятница была днем скидок. И сегодня был как раз этот день. Ваня свернул на улицу, ведущую к ее дому, и, добравшись до дверей квартиры, позвонил в звонок. Роза Петровна (так звали старушку) открыла не сразу. Ваня знал, что ждать нужно не меньше двух минут, ведь передвигалась она очень медленно.

Однажды как-то раз Ваня спросил, почему она не пойдет к врачу, чтобы вылечить больные ноги, и тем самым очень ее рассмешил. Роза Петровна ответила ему веселым голосом, но слова оказались грустные: «Таблеток от старости еще не придумали. Вот когда ты проживешь с мое, может, к тому времени придумают, а пока... Но это ничего, у всех стариков что-то да болит: у кого ноги, у кого сердце, кто слепой, а кто глухой. Жаль только Мурку мою, кошку. Вот помру, и некому будет о ней позаботиться». «Ну нет, вы еще долго проживете!» – попытался подбодрить ее Ваня. «А это ни тебе, ни мне не известно, – ответила старушка и добавила шутливо: – Кошка не картошка, не выбросишь в окошко!» – И снова рассмеялась, но не весело, а как-то вяло. И Ваня пообещал, что заберет ее кошку, если – не дай Бог! – с Розой Петровной случится ужасное (он не смог сказать «если вы умрете»).

Наконец, дверной замок щелкнул, и в узкий проем высунулась ее худая костлявая рука, протягивающая скомканные деньги и листок со списком продуктов.

– Что-то долго ты сегодня, – вместо приветствия проворчала она из-за двери, и Ваня от удивления не нашелся даже, что ответить. Во-первых, он пришел даже раньше на полчаса, потому что урок английского отменили из-за странной болезни учительницы, а во-вторых, Роза Петровна никогда не разговаривала с ним так невежливо. Тем не менее, мальчик взял деньги и список, и дверь тут же захлопнулась. Решив, что старушке, возможно, просто нездоровится, Ваня поплелся в супермаркет, размышляя, отчего это день сегодня складывается из одних неприятностей и чего еще теперь ожидать.

Вернулся Ваня быстро. На этот раз Роза Петровна все же позволила ему войти. Она долго пересчитывала сдачу и изучала чек, держа его трясущимися руками у прищуренных глаз. Никогда прежде она этого не делала. Убедившись, что все верно, начала рыться в пакете с продуктами, доставая их, выкладывая на стол и так же сверяя со списком.

– Хлеб. Молоко. Сметана. Яйца. Апельсины. О, а что это они такие серые? – Старушка протянула Ване сетку с оранжевыми фруктами, совершенно нормальными на вид. – Глянь! Они гнилые! Видишь, серые совсем?

– Не вижу... – Ваня неуверенно пожал плечами. – Они оранжевые, по-моему, Роза Петровна.

– Нагло врешь! Принес дрянь! Думал, не замечу?! Лопай сам эти гнилушки! – И она со злостью швырнула в него сетку, отчего та разорвалась, и апельсины покатались по полу в разные стороны, подпрыгивая, как мячики. Лежавшая на полу кошка Мурка, лениво наблюдавшая за ними, подскочила от неожиданности и выгнулась дугой. Ваня поспешно юркнул за дверь и стремглав помчался вниз по лестнице. Такого недоумения и обиды он еще никогда не испытывал. Размышляя о случившемся по дороге домой, он решил, что у Розы Петровны испортилось зрение и она стала путать цвета. Все-таки она была уже очень старая. Ну и нечего тогда на нее сердиться за это. Только вот, отчего она стала такая злая? Доброе сияние исчезло из ее глаз.

Вдруг Ваня остановился как вкопанный, пораженный ужасной догадкой. Доброе сияние... Сияние добра... Это ведь почти одно и то же! Неделки ли это злостней? Что, если страшные существа каким-то образом проникают в этот мир? Что, если и соседка Ольга, и учительница английского, и Роза Петровна стали их жертвами и поэтому так изменились? Только не это! Страшно подумать, что станет с его миром, если люди начнут превращаться в отъявленных злодеев и их с каждым днем будет становиться все больше! И тут Ваня совсем испугался, вспомнив одну примету, указывающую на то, что человек побывал в объятиях злостня: люди теряли способность различать цвета и начинали видеть все в черных и серых тонах. Не потому ли Роза Петровна решила, что апельсины серые? Ох, как же все это страшно! Надо бы еще проверить, какие цвета видит соседка Ольга. С этими мыслями мальчик вошел в свой подъезд, соображая, как устроить проверку. Не может же он прямо спросить ее об этом – тогда ему точно несдобровать. Но Ваня придумал, как поступит. Дело близилось к Новому году, и елка у него дома была уже наряжена. Родители еще не вернулись с работы. Ваня снял с веток

три елочных шара разных цветов и спустился этажом ниже. Рискавя нарваться на грубый крик, позвонил в квартиру Ольги. Та высунулась, сердитая и какая-то взъерошенная.

– Чего тебе?

– Вот, с наступающим Новым годом хотел поздравить, игрушки елочные принес. Они не бьются, поэтому ваш сынок может тоже ими поиграть. Смотрите, какие яркие! Синий, золотой и серебристый!

– Издеваешься?! – Она посмотрела на игрушки и брезгливо сморщила нос. – Они серые, не видишь разве! На что мне такое барахло? – И с этими словами захлопнула дверь перед его носом.

Ваня похолодел. Подозрения подтвердились: соседка Ольга тоже не различала цветов! Не иначе, злостень побывал у нее в гостях. Мальчик поплелся домой.

Снежок радостно запрыгал вокруг него, сжимая в зубах резиновый мячик, но играть с ним Ване сейчас не хотелось. Он машинально включил телевизор и сел на диван, погрузившись в тревожные мысли. Из раздумий его вырвал голос диктора, читавшего новости: «В больницы города продолжают поступать пациенты, пораженные неизвестной болезнью. Все они подвержены приступам агрессии той или иной степени интенсивности, и у всех наблюдается сильный дальтонизм. Зрение у больных черно-белое».

Ваня в отчаянии обхватил голову руками. Злостни! Это, без сомнений, признаки присутствия злостней!

Страшная находка

Дождинка проснулась из-за льющегося в окно солнечного света. Она давно уже не закрывала окна портьерами, чтобы вставать вместе с солнцем. С тех пор как в Неявь-мире наступило благоденствие, ей жаль было пропустить даже минуту чудесного дня. После ужасов апокалипсиса (это странное слово она услышала от Вани, мальчика из Явь-мира, спасшего Неявь-мир от гибели) она поняла, какое же это великое счастье – спокойная мирная жизнь.

Девочка выбралась из вороха пуховых одеял и подушек и в два прыжка оказалась у окна. Распахнула створки. Поток утренней свежести окатил ее с головы до ног, взбудрив, будто прохладный дождик. Рыжие локоны наполнились солнечным светом и засияли ярче пламени. Она с жадностью вдохнула чистый воздух, наполненный ароматами цветов, в изобилии пестревших внизу, на клумбах дворцового сада. Вдали простирались чудесные пейзажи родной страны Осени. Из окна спальни, находящегося на последнем – пятом – этаже дворца, видно было далеко, до горизонта. Ей нравилось по утрам любоваться этим видом. За дворцовой площадью, вдоль ровных, вымощенных желтой брусчаткой, улиц, выстроились аккуратные городские домики, двух- и трехэтажные (выше строить было не позволено, чтобы не загораживать вид из спален королевы и принцессы), с желтыми, как и брусчатка, черепичными крышами, с белыми кружевными занавесками на чисто вымытых окнах, с пестрыми цветниками вдоль тротуаров. Дома, как и улицы, пострадавшие во время апокалипсиса, отремонтировали, а вот королевский дворец, почти полностью разрушенный, пришлось отстраивать заново. Новый получился лучше прежнего, только скромнее, потому что королева Листопадия запретила украшать его золотом. Золотой шпиль заменили обычным, железным, как и флюгеры, а вместо позолоты, прежде украшавшей стены дворца, в этот раз использовали желтую и оранжевую краску. После нашествия золотых пауков Листопадия видеть не могла этот драгоценный металл и приказала все золотые монеты, золотые столовые приборы, украшения и даже свою корону увезти в горное подземелье – то самое, послужившее тюрьмой для многих жителей страны и для нее самой, едва не погибших от тяжелого труда. Там был золотой прииск ведьмы Карагары, заставлявшей пленников, закованных в тяжелые золотые цепи, добывать золото для нее. Непокорных ведьма осыпала страшными ударами магического золотого хлыста, а новых пленников ловили на улицах ее золотые пауки, опутавшие всю страну золотой паутиной. Поэтому с тех пор королева, да и все остальные жители в стране, не желали видеть золото: оно вызывало у них слишком тяжелые воспоминания. И все золотые предметы были навечно похоронены в Карагаровом подземелье, вход в которое завалили каменными глыбами. Сама ведьма Карагара раскаялась в содеянном после чуда, случившегося в Гиблом Месте, когда Мертвое Дерево ожило, и зло, питавшее его корень многие века, ушло.

Оказалось, что ведьмой была – кто бы мог подумать! – кухарка Анна, всю жизнь проработавшая на королевской кухне и имевшая репутацию доброй, трудолюбивой и порядочной женщины. Анна рассказала, что однажды нашла в рыбьих потрохах мешок с золотым песком. Каким образом он там очутился, никто до сих пор не знает. Золото оказалось колдовским. Его коварное свойство стерло память кухарки, а душа погибшей много лет назад ведьмы вселилась в нее, и бедная женщина, позабыв о муже и детях, отправилась в подземелье, считая себя Карагарой. Там она взяла в плен работавших на добыче золота водогоров – особенных гномов, которые в дождь превращались в великанов. Из пещерных пауков ведьма вырастила целую армию монстров, плюющихся золотой паутиной, с помощью которых ей удалось поработить всю Осению. Очнувшись от наваждения, кухарка Анна долго горевала, ругая себя за совершенные злодеяния, но королева Листопадия великодушно простила ее, даже увеличила ей жалованье, отпустив с миром. С тех пор кухарка по-прежнему трудится на кухне и счастлива со своей семьей.

Дождинка прогнала тяжелые воспоминания. В Осени настали счастливые времена. Страна расцвела, поля запестрели цветами, лесные рощицы зарделись огненной листвой, обласканные теплым солнышком. Дожди лили редко и только для того, чтобы земля не пересыхала. Таких затяжных ливней, превращавших страну в большое болото, больше не случилось. Листопадия и Дождинка, обе Повелительницы Дождя, следили за погодой в Осени и не позволяли черным тучам, ползущим с моря, закрыть небо.

Девочка взглянула на синеву водной стихии, простиравшейся справа от нее. Грохочущее Море никогда не успокаивалось. Вся поверхность его щетинилась белыми барашками. Чайки с криком носились над водой, высматривая рыбу. Ветер приносил с берега соленый воздух, глоток которого бодрил лучше, чем крепкий жасминовый чай. Слева глазу открывался бескрайний простор, буйное разноцветье полей и лесов, раскрашенное богатыми красками осени. Ведь Осения была страной, в которой вечно царило это время года – золотая осень. Над кленовой рощей, шумящей багряной листвой, вдруг взметнулось пестрое облако и мгновенно рассыпалось на множество ярких точек, словно взорвалась праздничная хлопушка с конфетти. Бабочки! Гигантские бабочки, просыпающиеся, как и принцесса, с первыми лучами солнца, взлетали в небо размять крылышки. Они были так велики, что жители Осении приспособились летать на них верхом. У Дождинки тоже была своя. Она звала ее Агриппиной (хотя все бабочки назывались агриппинами – так звался их вид). Когда девочка получила свою бабочку в подарок на свое десятилетие, она об этом не знала. Мама сказала ей: «Это твоя агриппина», а Дождинка, подумав, что кличка ее для крылатой питомицы уже придумана, с тех пор так ее и звала.

Вдруг разноцветное «конфетти» брызнуло в стороны, словно бабочки испугались чего-то или кого-то. Через мгновение Дождинка разглядела в небе летящее существо, плавно и размеренно взмахивающее зелеными перепончатыми крыльями. То был дракон, она сразу узнала его. И как же он был огромен! На фоне бабочек он казался исполином, а ведь бабочки были такого большого размера, что на каждой могли запросто поместиться трое взрослых человек! Теперь дракон Огнегор был гордостью Неявь-мира, а раньше молва о нем наводила ужас на всех жителей, считавших животное огнедышащим чудовищем. Однако впоследствии выяснилось, что дракон изрыгал пламя из-за того, что ел особенное растение, имеющее такой вот побочный эффект, – огненный перец в виде маленьких красных шариков. Съев его, любой мог на какое-то время стать огнедышащим. Но только у Огнегора это получалось особенно эффектно. На самом же деле дракон оказался не только добрым и мирным животным, но и вовсе не драконом, а оборотнем, умеющим в него перевоплощаться. Оборотень был пропавшим много лет назад принцем Лучезаром – сыном королевы из страны Весении. Невероятная история!

С тех пор как Гиблое Место ожило благодаря пролитому там Дождинкой ливню, она часто летала туда верхом на Огнегоре. Гиблое Место превратилось в настоящий оазис в пустыне. Дерево шелестело густой листвой, а зеленый травяной ковер вокруг него пестрел разнообразием цветов. Кладбище колдунов, прежде покрытое коркой потрескавшейся каменистой земли, теперь стало большой клумбой, за которой девочка тщательно ухаживала, поливая магически вызванным дождем. И вот наступил как раз тот самый день – день Благодатного дождя. Огнегор всегда прилетал вовремя, ранним утром, чтобы перенести принцессу в то место. Дождинка была благодарна ему за это: ведь на Агриппине пришлось бы добираться несколько дней. Гиблое Место было расположено неподалеку от Звездного Вулкана, а это в самом центре Неявь-мира.

Дракон завис напротив окна, быстро-быстро затрепетав крыльями, и выдохнул пар из своих огромных ноздрей: видно, устал, бедный. Дождинка весело помахала ему, приветствуя, и указала на вход. В драконьем обличье принц не мог разговаривать. Только Ваня, мальчик из Явь-мира, обладающий даром Толкователя Языков, был способен общаться с ним на дра-

коньем языке, но сейчас мальчик, дважды спасший Неявь-мир от беды, был далеко отсюда. Жаль, если больше они не встретятся, но граница между мирами была надежно закрыта, и вряд ли еще когда-нибудь он сможет очутиться здесь. Благовей строго охранял барьер, делая исключение лишь для Деда Мороза из Снеговении, чтобы не лишать детей Явь-мира новогодних подарков.

Огнегор понял, что его пригласили войти, и приземлился у дворцового крыльца. Дождинка уже стремительно неслась вниз по широкой мраморной лестнице, ведущей в тронный зал. Королева, величественно восседавшая на троне, как раз встала, чтобы поприветствовать златокудрого юношу, встречая его с распростертыми объятиями. Увидев дочь, недовольно фыркнула:

– Дождинка, взгляни на себя в зеркало! Ты даже не причесалась! И разве ночная рубашка подходящий наряд для встречи с дорогим гостем, прибывшим из далекой страны?

– Ничего, мама! – задорно ответила принцесса. – Ведь Лучезар – мой друг! Думаю, он меня простит! – Девочка с радостным воплем повисла у юноши на шее, вогнав его в краску. Тот смущенно улыбался, пока Дождинка хлопала его по широким плечам, и бормотал вежливые приветствия.

– Хватит церемоний, они мне надоели! – воскликнула Дождинка, обернувшись к матери и оставив смущенного гостя в покое. – Вечно нужно думать, кому поклониться, кому улыбнуться, а от кого и отвернуться! На обед – одно платье, на прогулку – другое, на бал – третье, и так каждый день! Столько времени уходит на переодевания. Нелегко жить во дворце и быть принцессой. Вот возьму и переселюсь в садовый домик к бабочке Агриппине!

– Ты неисправима! – добродушно усмехнулась королева Листопадия. – И все же я настаиваю, чтобы на завтрак ты явилась в более приличном виде.

– Ладно, так уж и быть, что с тобой поделаешь... – проворчала дочь. – Пойду, переоденусь.

– И она неохотно поплелась обратно в спальню. Вернулась Дождинка в пышном шелковом платье цвета осенних кленовых листьев, а волосы были уложены в аккуратную прическу, образуя на затылке букет из завитков. Теперь она повзрослела и больше не носила косички, хотя и считала, что с ними было намного проще жить.

В обеденном зале был накрыт богатый стол. «Будто не завтрак, а целый банкет», – подумала Дождинка. Но королева всегда встречала гостей достойно, вот и теперь распорядилась приготовить блюда из меню для торжеств. Однако девочку не привлекли разнообразные изысканные кушанья. Она ограничилась куском любимого сыра и запеченной тыквой, запив все стаканом яблочного сока. Ей не терпелось умчаться в бескрайнее небо верхом на драконьей спине. Быстро умяв все, она вскочила, чуть не опрокинув стул, отчего бедный принц едва не подавился.

– Дай же гостю поесть! Вот невоспитанная! – воскликнула Листопадия, качая головой. – Лучезар две страны пролетел, и впереди у него путь неблизкий!

– Я сбегая на кухню, попрошу сложить нам что-нибудь на обед с собой, у нас будет пикник в Гиблом Месте! – С этими словами Дождинка умчалась, неуклюже путаясь в юбках длинного платья. К отлету она с радостью переделалась, сменив неудобный наряд на кожаные брюки, а хрупкие туфельки – на добротные башмаки. Эта одежда нравилась ей гораздо больше – по крайней мере, можно было не бояться наступить на подол и что-нибудь оторвать от него или вывихнуть ногу из-за высоких каблуков. Да и на драконью спину забираться было удобнее.

Закинув за плечи рюкзак, Дождинка ловко взбежала по драконьему хвосту, держась за зубчатый гребень, и вскарабкалась на самый верх горообразной спины. Листопадия насмешливо смотрела на неугомонную дочь, думая о том, что та становится взрослой... и непослушной. Порой совсем невозможно ее вразумить. Королева всегда тревожилась, отпуская ее в дальний путь: ведь в прошлом ей довелось уже дважды оплакивать ее гибель! И оба раза все

обошлось лишь благодаря Ване из таинственного и недостижимого Явь-мира, появлявшемуся будто специально для того, чтобы спасти принцессу Дождинку, а заодно и весь Неявь-мир. Благодаря этому теперь все были счастливы. Вот только надолго ли? Вечная Тьма вряд ли так легко смирится с поражением. Сегодня ночью Листопадия проснулась от недоброго предчувствия. Будто где-то случилось что-то плохое – очень плохое, необратимое. Будто кто-то умер. Оставалось надеяться лишь на то, что это просто дурной сон, оставивший в ее душе тяжёлый осадок. Она следила за быстро уменьшающейся зеленой точкой в небе, чувствуя, что тревога ее усиливается.

Зато Дождинка была вне себя от счастья, вырвавшись из скучной дворцовой жизни на волю. Сидя на спине Огнегора, девочка, обдуваемая потоками воздуха, представляла себя бабочкой, беззаботно порхающей в небе. Многие отдала бы она за пару пестрых крылышек за спиной. Вот Лучезар, он же Огнегор, – настоящий счастливчик. Дар оборотня в Неявь-мире был большой редкостью. Ему повезло.

С высоты вид на Осению был еще прекраснее, чем из окна ее спальни. Под ними сверкала на солнце прозрачной синевой Шумная Река, унося свои воды в пучину Грохочущего Моря. Причудливой формы пятячки листовых рожиц всех оттенков желтого, рыжего и красного, словно россыпи янтаря и рубинов, украшали бескрайний простор цветочных лугов. Но чем дальше они летели, тем чаще попадались островки голой бесплодной земли, означая приближение Звездной Долины. Могучие взмахи огромных драконьих крыльев быстро сокращали расстояние. Вскоре показалась вершина Звездного Вулкана. Увидев его, Дождинка встревожилась: серебристого дыма, обычно густо клубящегося над его жерлом, на этот раз не было. Оттого она даже вначале подумала: уж не ошибся ли Огнегор, выбрав неверный путь? Может быть, забыл дорогу? Но, подлетев ближе, разглядела волнообразную линию рыжих холмов на горизонте: значит, вулкан тот самый. Что же случилось с ним? Стоит, молчаливый, точно уснул, и похож на самую обычную гору. Не слышно его привычного ворчания. Не содрогаются его склоны, не осыпаются градом камни. Странно это. Надо будет отыскать Звездочета и спросить, что стряслось. Но у подножия вулкана волшебника не было видно. Почему это Благоев покинул свой бессменный пост?

А потом случилось кое-что ужасное. Когда дракон перелетал через холмы, окружающие Гиблое Место, Дождинка не на шутку перепугалась при виде открывшейся ей безобразной картины. Прежде живописный идиллический пейзаж был безжалостно изуродован неизвестной силой. Глубокие черные ямы обезобразили цветочное поле, словно его сплошь изрыли гигантские кроты. Само же дерево, о котором принцесса тщательно заботилась, накренилось. Листва его пожухла и местами осыпалась, обнажив голые ветви.

Спрыгнув с приземлившегося Огнегора, девочка помчалась к дереву, разбрызгивая слезы, упала у его корней, обняв покореженный ствол, и разрыдалась. Подошел Лучезар, принявший человеческий облик, вздохнул озадаченно и сердито:

– Какой злодей тут все это натворил?!

– Деревце мое, бедное деревце! – горевала принцесса. – Что за беда стряслась с тобой? Кто же тебя так обидел?

– Слезами горю не поможешь, – растерянно пробормотал Лучезар, подумав, что если Дождинка еще пару часов прорыдает, то, возможно, ливень не понадобится. Принцесса сердито вытерла рукавом мокрое лицо.

– Ты прав: что теперь реветь? Только время зря теряем. Полить все-таки надо: вдруг поможет? А потом отправимся искать Благоева. Он должен знать, что произошло.

С помощью магических заклинаний принцесса вызвала дождь, как делала это множество раз. Тучи слушались ее беспрекословно, быстро затянув небо над Гиблым Местом. Листва у поврежденного дерева и впрямь ожила, поникшие листочки поднялись и радостно зашелестели под дождевыми струями. Дождинка и Лучезар набросили плащи с капюшонами и стояли под

дождем в ожидании, когда влага напитает высохшую землю. Когда дождь закончился, решено было облететь вокруг Звездного Вулкана. Они всё ещё надеялись, что Благовей найдется. Пикник на цветочной поляне отменялся.

Приблизившись к самому подножию замершего вулкана, Дождинка вдруг заметила вдали лежащий на земле темно-синий плащ волшебника, узнав его по сверкающим на солнце серебристым звездам.

– Немного вперед, и приземляйся! – крикнула она Огнегору, который, хотя в драконьем облике был лишён возможности говорить, человеческую речь всё же понимал. Он сразу же направился к находке. Но, разглядев то, что вначале приняли за плащ, оба ужаснулись. То был сам Благовей, распростертый на земле. Вопросы хорОВОДОМ закружились в голове принцессы. С чего бы Благовею вздумалось лежать на твердых и острых камнях? Он что, устал и прилег отдохнуть? Но разве это подходящее для отдыха место? Может, ему стало плохо? Он же ... Он же не... умер?!

Глаза – зеркало души

Апчих склонился над бездыханным телом волшебника, внимательно вглядываясь в его раскрытые остекленевшие глаза. Никогда в жизни, даже в страшном сне, лекарь не мог себе представить, что когда-нибудь ему придется увидеть Великого Благовея, Повелителя Времени и Пространства, в таком безнадежном состоянии. Дела Повелителя были совсем плохи.

Ранним утром этого же дня Апчих проснулся в своем маленьком уютном домике, расположенном на окраине деревни в стране Весении, с ощущением сильной тревоги. Подобное чувство он испытывал лишь раз: когда на страну напало полчище злостней. Но тогда угроза была видна невооруженным глазом. Теперь же, не находя причин для такого беспокойства, он задавался вопросом, что же это – предчувствие страшной беды или какое-то недомогание? Подумав, решил выпить успокоительное снадобье. Странно, но вместо ожидаемого спокойствия лекарь обнаружил, что тревога его только усилилась! И это при том, что уже много лет в Весении, как и во всем Неявь-мире, царило добро и все – абсолютно все – были счастливы!

Вдруг в его дверь постучали. Сердце дрогнуло, почуяв вестника беды. Им оказался принц Лучезар, сын королевы Весняны, влетевший в дом в страшном волнении, с огромными от страха глазами в пол-лица. Он был бледен, как утренний снег. Бедный юноша даже слова не мог вымолвить, до того был потрясен чем-то. Апчих заставил его выпить целую кружку успокоительного снадобья, прежде чем неожиданный гость обрел способность говорить и что-то произнес, но при этом лекарь ничего не понял, словно Лучезар изъяснялся на чужом языке. Смысл услышанного дошел до его сознания лишь тогда, когда принц повторил одну и ту же фразу:

– Благовей умер.

После третьего раза Апчих пошатнулся и потерял дар речи, только тарачился на Лучезара, словно тот был выходцем с того света. Потом прошептал одеревеневшими губами:

– Не может быть.

– Едем во дворец! – Принц подхватил его под руку и потянул к двери. – Карета ждет.

Апчих долго не мог попасть в рукава и засунуть ноги в башмаки. Лучезар помог ему одеться. Лекарь не помнил, как ехали по городским улицам. Очутившись во дворце, в спальне для гостей, перед постелью с телом Благовея, он почувствовал, как сердце оборвалось и рухнуло куда-то вниз от одного взгляда на лежащего. Лишь после боковым зрением заметил людей, стоявших вокруг кровати. Весняна прижимала к лицу носовой платок. Тихо всхлипывала опухшая от слёз Дождинка. Генерал Тюльпан и советник Пион, восстановленные в своих должностях после раскаяния, склонили головы на грудь. Лучезар тихо прошептал:

– Давайте, господин лекарь, принимайтесь за дело. Вдруг он все-таки еще жив? Поскорее осмотрите его.

– Конечно! – Апчих упал на колени у изголовья кровати и, расстегнув трясущимися руками ворот рубахи волшебника, прильнул к его груди. Стука сердца слышно не было, а кожа оказалась холоднее, чем брюхо змеи. Апчих сокрушенно покачал головой. Дождинка взвизгнула, а Весняна подавила вырвавшееся было рыдание. Лекарь продолжал искать признаки жизни, но не находил. И все же надежда никак не хотела покидать его сердце. Не мог он поверить, ну никак не мог, что такой великий волшебник, как Благовей, возьмет и умрет вот так просто. Ведь на нем держалось все благополучие Неявь-мира! И лекарь начал пристально всматриваться в его открытые остекленевшие глаза, пытаясь прочесть в них, что же тот видел в последние минуты перед смертью. Что убило его, и убило ли окончательно, или же осталась хотя бы маленькая крупица жизни?

Вначале в глазах волшебника потемнела радужная оболочка, сменив бледно-голубой цвет на иссиня-фиолетовый, а затем Апчих отчетливо увидел проступившие на ней серебри-

стые искорки – отражение звездного неба. Некоторое время, довольно долго, не было видно ничего другого, но лекарь ждал, и, как оказалось, не зря. Неожиданно звезды укрыла черная тень, по очертаниям напоминающая человеческий силуэт, и до него донесся далекий шипящий голос неизвестного существа, а за ним послышался и знакомый голос Благовея, называвшего собеседника своим братом. Дослушав весь разговор до последнего вздоха Благовея, Апчих, пораженный произошедшим злодейством, порывисто вскочил и обернулся к собравшимся, стоявшим вокруг кровати.

– Неживей восстал из мертвых! – выдохнул он в ужасе. – Как-то выбрался из призрачной страны, отнял у Благовея волшебную палочку, поднял из земли злостней и отправил их в Явь-мир. Случилось это еще полгода назад! Благовей пролежал в долине так долго! Странно, что тело не рассыпалось в прах.

– Ужас!

– Беда!

– Кошмар! – зашептали все по очереди.

– Но как Неживею это удалось? – Весняна горестно всхлипнула. – Ведь он давно умер, а оттуда в наш мир еще никто ни разу не возвращался!

– Вечная Тьма помогла ему. Он сам так сказал, – пояснил Апчих.

– Неживей связался с Вечной Тьмой?! – Королева потрясенно ахнула и схватилась за горло, будто ей не хватало воздуха. – Но что же теперь будет с миром мертвых? Неужели все там обречены?

– Все мы теперь обречены. Неживей отправил злостней в Явь-мир, чтобы отнять у людей сияние добра. Понимаете, что это значит? – Апчих обвел присутствующих скорбным взглядом. – С каждым погасшим сиянием Вечная Тьма крепнет. Она поглотит весь Явь-мир. То же самое ждет и призрачную страну Неживению, а следом и наш черед настанет. Лишь Благовей, охранявший границу между мирами, контролировал равновесие. Теперь его волшебная палочка в руках злодея.

– Какая страшная беда нависла над нами! – Королева побледнела еще больше. – Неужели совсем ничего нельзя сделать?

– А помните, в трудные времена Благовей почему-то переносил мальчика из Явь-мира, и тот чудесным образом решал все проблемы? – Лекарь наморщил лоб, вспоминая давние события. – Как же его звали?

– Ваня! – подсказала Дождинка. – Но теперь он для нас недостижим. Без волшебной палочки Благовея мы не сможем вызвать его сюда.

– Пожалуй, Ваня снова придумал бы, как всех спасти. – Весняна кивнула. – Весьма сообразительный и храбрый юноша. Но как его сюда доставить? Это мог сделать только Благовей!

– Может, есть какой-то другой способ? – безо всякой надежды в голосе предположил Лучезар.

– Сомневаюсь, что он существует, – возразил Апчих. – Хотя... Есть один, но он крайне опасен и потому невыполним.

– Говори, – потребовала королева, отняв от опухшего лица мокрый платок.

– Вам это точно не понравится. – Апчих нахмурился.

– Ну что ты тянешь! – рассердилась Весняна, не привыкшая к возражениям.

– Хорошо. Но предупреждаю: потом не ругайте меня, – заявил лекарь. – А способ такой: в глазах Благовея я увидел, как злостни, восставшие из могил, отправились в жерло потухшего вулкана.

– Так вот кто обезобразил ямами Гиблое Место! Они вылезали из могил и разрыли всю землю! – догадалась Дождинка.

– Тише, не мешай ему! – шикнула королева.

Апчих продолжал:

– Разрушив барьер, Неживей отправляет их в Явь-мир. Вместе со злостнями можно проникнуть туда и кому-то из нас. Нужно лишь выбрать подходящее время.

– Какое время? – спросила Дождинка.

– Нужно, чтобы в Явь-мире была ночь. Дело в том, что время в нашем мире течет быстрее: когда у нас проходит год, там всего день. Получается, что... – Он запнулся, порылся в карманах куртки, извлек наружу множество мелких предметов, покопался и выхватил нечто круглое, состоящее из двух дисков, скрепленных между собой и исписанных непонятными мелкими знаками. – Вот, совмещенный календарь! – воскликнул он так, будто это было лучшее средство для борьбы с Вечной Тьмой, а затем покрутил верхний диск, на котором было вырезано окошечко, показывающее знаки нижнего диска. – Сейчас в Явь-мире еще вечер. Ночь там наступит через три наших дня. Когда это произойдет, Неживей снова отправит злостней туда, ведь известно, что при свете дня злостни действовать не могут. И сейчас они ждут где-то в недрах вулкана.

– Как же долго и непонятно ты объясняешь! – Королева нетерпеливо топнула. – Нельзя ли покороче? А лучше сразу выкладывай суть дела!

– Как скажете, Ваше Величество. План такой: Лучезар, имея дар оборотня, обернется злостнем и отправится в жерло вулкана.

– Что-о-о?! – протестующе взывала Весняна. – Да как ты смеешь!

– Ну вот, я так боялся вас рассердить. Сказал же, что вы ни за что не согласитесь. – Апчих обиженно поджал губы.

– Ладно, давай дальше, – примирительно произнесла она. – Хотя бы дослушаю этот бред.

– Так вот, когда злостни начнут переходить в Явь-мир, Лучезару нужно смешаться с их рядами. При этом ему придется все время представлять себе Ванино лицо, чтобы попасть сразу к нему домой и не блуждать по Явь-миру в поисках. Оказавшись там, Лучезар все объяснит мальчику, и обратно они вернутся вместе. До наступления утра Неживей будет держать открытой дверь между мирами, чтобы злостни до рассвета могли вернуться назад.

– Ваню обнаружат сразу, и конец! Ведь у него нет дара оборотня! – отрезала королева. – Твой способ просто погубит мальчишек!

– Есть зеркальные щиты. Я сохранил их после путешествия в Гиблое Место и могу прикрыть ими Ваню, – сообщил Лучезар. – А можно использовать исчезальное зелье. Злостни могут почуять его, но точно не увидят.

– Щиты лучше, – сказала Дождинка. – Исчезальное зелье сделает Ваню уязвимым перед ними.

– Возможно, – согласился Апчих.

– Это убийство, а не план! – воскликнула Весняна, вскинув руки. – Ты, случайно, не забыл, что Лучезар мой сын?

– Ваше Величество, поверьте: оставшись здесь, он окажется в не меньшей опасности. Как и все мы, – печально ответил Апчих.

Повисло тягостное молчание. Весняна снова уткнулась лицом в мятый платок, не в состоянии принять решение. Лучезар сделал это вместо нее:

– Я согласен.

– Нет... – прошептала королева в платок, но все услышали.

– Ясно же, что другого пути не существует, – продолжал настаивать Лучезар, невзирая на протест матери. – В облике злостня я сойду за своего! – И он даже рассмеялся с напускной веселостью.

– Превращение в злостня может изменить тебя! – воскликнула Весняна, нервно смахивая слезы измятым платком. – Это само по себе очень опасно, не говоря уж обо всем остальном!

– Не опасно, – возразил Лучезар. – Только неприятно. Ведь я же превращаюсь в дракона, но не становлюсь хищником и убийцей.

Весняна хотела еще что-то возразить, но вдруг обратила внимание на взволнованно засуетившегося Апчиха. Лекарь приложил ухо к безжизненной груди Благовея и сделал предупредительный жест, призывая всех замолчать. Присутствующие замерли в ожидании. Через несколько мгновений лицо Апчиха просияло, и он торжественно объявил остальным:

– Я только что уловил удар сердца!

Раздался дружный вздох облегчения, а лекарь продолжил:

– Сердце его бьется всего один раз в минуту, поэтому я вначале и решил, что биения нет. Жизнь волшебника держится в теле каким-то чудом, и я не могу сказать, очнется он или умрет. Душа его покинула тело, и лишь тонкая ниточка связывает их теперь. Думаю, душа Благовея в призрачной стране. Наверное, пытается бороться с предателем Неживеем. Возможно, от этого и зависит сейчас, придет ли великий волшебник в себя или умрет.

– Какое счастье, что есть шанс! – Королева с облегчением вздохнула, подошла к кровати и взяла руку Благовея в свои. – Мы с вами, Великий Повелитель. Держитесь там, помощь скоро придет.

– А ну, разойдись! Хочу прорепетировать! – Лучезар неожиданно отступил назад и сделал кувырок через голову. В следующий миг принц исчез, а вместо него возникло черное костлявое существо с длинными, раскачивающимися из стороны в сторону руками. Оно сделало шаг вперед и зашипело, вытянув руки перед собой. Дождинка истошно завизжала, королева испуганно вскрикнула, Пион плюхнулся на пол, Тюльпан поспешно отскочил в дальний угол, и лишь Апчих, единственный, сохранивший спокойствие, невозмутимо улыбнулся:

– Очень убедительно. Как настоящий злостень!

Злостень совершил кувырок и исчез, а Лучезар вернулся. Принц брезгливо морщился, отряхивал одежду от невидимой грязи и ворчал:

– Я весь воняю! Очень неприятный вышел эксперимент!

– Зато как вылитый, не отличишь! – восхитилась Дождинка.

– Действительно, ты всех перепугал. – Весняна принялась обмахивать сына носовым платком, будто это могло отогнать дурной запах злостня. – Думаю, что ты вполне сойдешь у них за своего.

– Осталось продумать детали, – вмешался Апчих. – Опуститься в жерло вулкана в облике дракона Лучезар не сможет, иначе сразу привлечет к себе внимание. Поэтому он должен принять облегчальное снадобье.

– Облегчальное? Звучит странно, надеюсь, оно действует не так, как слабительное? – Лучезар насторожился. Дождинка и Весняна хихикнули, но Апчих продолжал, не обращая внимания на смешки:

– Снадобье готовится из воздушных одуванчиков и делает тело невесомым. Поэтому перед прыжком в жерло нужно сделать пару глотков, и Лучезар спланирует вниз, как перышко. Но это еще не все. Когда ты, – продолжал Апчих, повернувшись к принцу, – окажешься в Явь-мире, то станешь невидимым и неосязаемым. Чтобы поговорить с Ваней, тебе нужно будет принять проявляющий порошок. Только прежде вернись в человеческий облик, иначе испугаешь Ваню до смерти, представ перед ним в виде злостня.

– Понятно, – кивнул Лучезар.

– Не забудь ничего и не перепутай, – наставлял Апчих. – Когда вы вместе с Ваней вернетесь обратно в жерло вулкана, ты превратишься в дракона, и вы удерете. Сделать все это нужно просто мгновенно, чтобы ни злостни, ни предатель Неживей не успели ничего сообразить и накинуться на вас.

– Как они успеют вырваться из этого логова? – ахнула Весняна и снова всхлипнула, уткнувшись в платок.

– Оттуда летите ко мне, – Апчих сделал вид, что не услышал вопроса королевы. – А уж после я отправлю вас с Ваней в Неживению. Для этого вы примете специальное средство, отделяющее душу от тела. В материальных телах туда попасть нельзя.

– Это что же, мы с Ваней должны умереть, чтобы там оказаться? – Лучезар озадаченно потер бровь.

– Нет. Вы должны принять призрачное зелье.

– Лекарь, да вы сошли с ума! – взвизгнула Весняна. – Оно еще опаснее, чем исчезальное! Это же черная магия!

– Придется идти на риск, – Апчих вдруг часто заморгал. – У них будет время, прежде чем начнется необратимый процесс.

– И сколько? – спросила мать принца, кусая губы.

– Точно не знаю. Подсчитаю к тому моменту, как Лучезар вернется вместе с Ваней обратно. Возможно, несколько часов.

– Несколько часов! – воскликнул принц разочарованно. – Это ведь так мало! Как успеть за это время отыскать дух Благовея и волшебную палочку? А еще с Неживеем надо разобратся! И Вечную Тьму загнать обратно на место!

– Нам всем остается надеяться лишь на чудо. Лицо Апчиха вдруг исказилось печальной гримасой и стало похоже на подсохшее яблоко.

Злостни – непрошеные гости

Ваня лежал в постели и никак не мог уснуть, хотя ночь уже вступила в свои права и на циферблате будильника, освещаемого ночной лампой, стрелки перешагнули цифру «двенадцать». Родители спали в соседней комнате. Судя по тому, как храпел папа, бессонница его не мучила. Снежок, белый карликовый пудель с кудрявой шерсткой, спал, свернувшись калачиком на своем пушистом коврикe, спрятав длинную острую мордочку под лапками. А вот Ване никак не спалось. Донимали тревожные мысли о случившихся за день странных вещах. К тому же информация, услышанная в новостях, подтверждала его подозрения. И ведь никому не расскажешь о них! Кто будет слушать его, одиннадцатилетнего мальчишку? Кто поверит в то, что из параллельного магического мира проникают колдуны-мертвецы, управляемые Вечной Тьмой? Кто поверит, что они, так называемые злостни, крадут у людей сияние добра, превращая их в отъявленных злодеев? Кому можно такое рассказать? Пожалуй, разве что психиатру. Только он внимательно выслушает его и не станет смеяться. А потом назначит лечение. Но даже если предположить, что Ваня придет в полицию, расскажет все, и ему там поверят, что же, в самом деле, они смогут предпринять? Ведь существа из волшебного Неявь-мира были невидимы и неосязаемы! Люди не могли увидеть их, а значит, не могли и защититься. Да и как от них защититься? Даже если повсюду в новостях будут предупреждать людей о том, что лучшая защита от злостней – добрые поступки, неужели все помчатся их совершать?

Ваня внезапно ощутил, что в комнате находится кто-то посторонний – жуткий и безжалостный... Сердце бешено застучало, кровь тяжело запульсировала в висках. Злостень! Неизвестный был в спальне, Ваня был совершенно уверен в этом, хотя и не видел непрошеного посетителя, не слышал издаваемого им зловещего шипения и даже запаха его не чувствовал. Но знал наверняка: злостень здесь. Стоит прямо перед его кроватью, невидимый, и тянет к нему свои длинные худые руки. Еще миг, и они лягут Ване на плечи, придавят, как непосильная ноша, лишат возможности двигаться. И все будет кончено. Сияние добра, похищенное потусторонним существом, навсегда исчезнет из его души.

Снежок зашевелился на коврикe, высунул морду и, подняв голову, негромко зарычал. Он тоже почувствовал злостня. Ваня натянул на голову одеяло и зажмурился. Нужно срочно вызвать воспоминания о добрых поступках! Ведь он совершил их немало! Ходил за продуктами для старушки Розы Петровны, помогал соседке Ольге заносить и выносить из подъезда коляску с ребенком, заступался за маленьких первоклашек в школе... так... так... что еще? Картины мелькали в голове одна за другой. Вдруг показался открытый ящик письменного стола и «лазерная указка» Коли, лежащая в углу. «Ты хотел ее себе, – прозвучали в голове шипящие слова злостня из прошлого сна. – Это плохой поступок». «Нет, я просто забыл ее дома, забыл, забыл». – Ваня беззвучно повторял одно и то же, словно заклинание, способное его спасти. Медленно выглянул из-под одеяла... и завопил: черная голова злостня покачивалась в воздухе прямо перед ним!

Снежок зашелся хриплым лаем и бросился на обидчика, чтобы расправиться с ним, но под головой злостня была пустота. У монстра не было тела! Ваня, продолжая вопить, увидел, как голова отпрянула от него и поплыла к шкафу, шипя какие-то слова, которые он не мог слышать из-за собственного крика. Поведение непрошеного гостя было настолько неожиданным, что Ваня замолчал, и даже Снежок перестал гавкать, с любопытством склонив голову набок. Голова заплыла в шкаф, и прежде, чем дверца закрылась за ней, Ваня услышал:

– Я – Лучезар! Лучезар, принц! Не говори родителям, что видел меня.

И в тот самый миг дверь Ваниной спальни распахнулась. Перепуганные родители с растерянными сонными лицами ворвались в комнату и бросились к Ване, засыпая его вопросами.

– Ой, простите, что я вас разбудил, – виновато пробормотал он. – Просто сон плохой приснился.

– Бедный ребенок! Это все школа, нагружают так, что детям кошмары по ночам снятся, – проворчал папа, поправляя на сыне одеяло.

– Или ужасики снова смотрел тайком! – Мама строго взглянула на Ваню, но тот отрицательно помотал головой. Они расцеловали его и, пожелав спокойной ночи, удалились. А Ваня, выждав, пока они улягутся, выбрался из постели и, показав Снежку прижатый к губам палец, означавший команду «тихо», осторожно, на цыпочках, зашагал к шкафу. Увидел, как медленно начала открываться створка. В образовавшейся щели показался глаз. Человеческий глаз, а не черная пустая глазница, как у скелетообразного существа. Раздался тихий шепот:

– Я – Лучезар. Можно, выберешь? Не будешь орать?

Ваня молча кивнул, не в силах вымолвить ни слова, и раскрыл рот от удивления, когда из шкафа и впрямь вылез принц Лучезар собственной персоной.

– Прости, что напугал. Забыл! Забыл принять свой облик, представляешь? – прошептал принц, и Ване вдруг начало казаться, что у него от страха помутилось в голове. Откуда взяться в его спальне принцу Лучезару из Неявь-мира? Разве это возможно? Нет, скорее всего, это тот же злостень, просто Ванин разум отказывается верить в это, и у него начались галлюцинации.

Похоже, злостень вот-вот нападет! Ваня с силой швырнул одеяло на стоящего посреди комнаты пришельца, и оно накрыло его с головой, сделав похожим на привидение. Из-под одеяла раздался приглушенный голос:

– Ты что, не рад меня видеть?

Злостень с внешностью Лучезара стряхнул одеяло и сделал шаг к Ване, забившемуся в угол кровати. Заметив его испуганный вид, посмотрел на свои руки и ноги и удивленно произнес:

– Ведь я принял человеческий облик! Чего ты так трясешься?

– Так ты не злостень? – недоверчиво прошептал Ваня.

– Говорю же, я принц Лучезар. У меня Дар Оборотня, я могу превращаться в кого угодно. Пришлось стать злостнем, чтобы проникнуть вместе с ними в твой мир.

Нервная дрожь, сотрясавшая Ваню, прошла. Он с интересом рассматривал стоящего перед ним, все еще не в силах поверить, что видит друга. Златокудрый юноша, лицо которого было удивительно похоже на Ванино, сделал еще один осторожный шаг к его кровати, протянул руку и улыбнулся:

– Привет! – сказал он. – Я так рад тебя видеть!

Снежок с любопытством обнюхивал гостя, виляя хвостом. Именно это убедило Ваню в том, что неожиданный посетитель не опасен. Оставалось лишь сомнение в его реальности. Все-таки, наверное, это просто сон. Намереваясь проверить свои подозрения, Ваня вскочил и обнял принца. Тот был совсем как настоящий. От него веяло густым цветочным ароматом, какой мог быть принесен только из Весении – самой цветочной страны на свете. Хотя запах злостня его слегка перебивал. Гость издал радостный облегченный вздох и прошептал:

– Ну, наконец-то! А то я уж было начал переживать, что ты снова станешь орать и звать на помощь! Меня могли бы схватить как преступника и бросить в темницу. И тогда всему конец.

– Неужели ты настоящий? Разве это не сон? – Ванины сомнения еще не полностью рассеялись.

– Вот какой недоверчивый! Ну, хочешь, я тебя ущипну? – Лучезар сверкнул белозубой улыбкой и ущипнул Ваню за руку. Щипок получился ощутимый.

– Теперь поверил?

– Кажется... – Поток бурной радости быстро заполнял Ванину душу, вытесняя страх. – Зачем ты злостнем оборачивался? Я от страха чуть не умер!

– Это маскировка, – ответил Лучезар, тоже сияя от радости. – Какое счастье, что все удалось! Ведь я чуть не погиб, пока добирался до тебя.

– Что-то случилось? – встревожился Ваня.

– У нас в Неявь-мире стряслась беда. – Сверкающая улыбка сошла с лица принца. – Правитель страны вечных снов Неживей подался в услужение к Вечной Тьме, украл волшебную палочку Благовея и с ее помощью отправляет злостней в твой мир.

– Так я и думал! – неожиданно громко воскликнул Ваня и испугался, что мог снова разбудить родителей. Прислушался. Из соседней комнаты по-прежнему доносился папин храп.

– Я прошу тебя отправиться со мной в Неявь-мир, – прошептал Лучезар умоляюще.

– Что?! – вытаращился Ваня, не готовый к такому предложению.

– Ты дважды уже спасал нас от гибели. А теперь и твой мир в опасности. Все надеются только на тебя.

– Шутишь? – Ваня запаниковал. Мысль о том, что придется немедленно отправляться навстречу опасности, не укладывалась у него в голове.

– Пока здесь длится ночь, за это время у нас пройдет почти полгода. Ты ведь знаешь о разнице во времени? Если мы отправимся прямо сейчас, то до рассвета можем многое успеть, и родители тебя не хватятся.

– Прямо сейчас? – Ваня колебался. Может быть, все-таки отказаться? Рядом была еще теплая постель с мягкой подушкой и пуховым одеялом. Хотелось просто лечь и уснуть, а утром решить, что все это приснилось. Но Ваня понимал, что реальность следующего дня может оказаться страшнее кошмарного сна. Ведь прямо сейчас злостни обнимают спящих и ничего не подозревающих людей, забирая у них сияние добра и наполняя злом их души. А в утренних новостях диктор объявит о новых пациентах, поступающих в больницы города со странными симптомами – неконтролируемой агрессией и утратой цветового зрения. Еще через пару ночей больницы переполнятся, и везти взбесившихся людей будет некуда. А потом и успокаивающие уколы им делать будет некому, потому что многие врачи тоже взбесятся. Весь город сойдет с ума. Затем и весь мир. Все будут ненавидеть друг друга. И Ванины родители, возможно, тоже.

– Решайся, – торопил Лучезар.

– А что же Благовей? Он ничего не может сделать? – спросил Ваня, еще надеясь избежать участия в операции по спасению мира.

– Благовей сейчас беспомощен, он едва жив. Мы с Дождинкой нашли его в Гиблом Месте, бездыханного, думали, он умер. Я в облике дракона перенес его во дворец и пригласил Апчиха. Лекарь расслышал биение сердца, очень редкое, всего один удар в минуту. Сказал, что души волшебника нет в его теле, и скорее всего, она в Неживении – в стране вечных снов. Благовей может умереть в любой момент. Меня отправили за тобой.

– Но как?! Ведь граница между мирами закрыта, и только Благовей...

– Я уже говорил, что Неживей открыл коридор для злостней! Он собрал их в жерле Звездного Вулкана, там, где нет света даже днем, и оттуда отправляет к вам.

– Как в жерле вулкана?! Там же пекло! – удивился Ваня.

– Звездный Вулкан потух.

– Что?!

– Это сделал Неживей, чтобы выбраться из потустороннего мира. А теперь волшебная палочка в его руках, и он контролирует границы между мирами. Я был там, в жерле... Ох, и жуть! Сотни, а то и тысячи злостней собрались в нем. Я принял облик злостня и присоединился к их толпе. Чуть не задохнулся от вони! А как они меня обнюхивали! Я думал – все, конец! Почуяли! Но пронесло. Просто мозгов-то у них нет, сгнили давно, лишь сила зла ими движет. Чуют, что добыча близко, а не понимают, где. Головами вертят, шипят, как змеи, а достать меня не могут. Вот так и очутился здесь!

– Ничего себе! – восхитился Ваня смелостью Лучезара. – Молодец! Я б не смог.

– Сможешь, – улынулся принц. – Обратного-то нам через ту же дверь пройти придется. А в жерле их еще видимо-невидимо. Неживей их партиями отправляет.

– Я этого не переживу. – Ваня протестующе замотал головой. – Однажды имел несчастье повстречаться с одним уродом. До сих пор он мне в каждом углу мерещится!

– Так или иначе, все равно придется еще повстречаться, – невеселая улыбка Лучезара совсем увяла. – Со мной или без меня. Их в твоём мире сейчас полно, да и еще прибывают!

– Послушай, но это же глупо! Мы попадемся! – возразил Ваня. – Представь, мы с тобой окажемся в их скопище! Я-то не могу в злостня превратиться!

– Я прикрою тебя зеркальным щитом. – Тут только Ваня заметил за спиной у принца сияющий прямоугольник, знакомый ему со времени похода в Гиблое Место.

– Ого! Где ж ты его достал?

– Я еще тогда пару щитов прихватил с собой. Как знал, что пригодятся. Так что шанс у нас есть. А там один кувырок – и я дракон. Мы с тобой взлетим вверх так быстро, что Неживей моргнуть не успеет.

– Он же погонится за нами!

– Неживей – призрак, и далеко в мир живых он проникнуть не сможет. Успеем удрать, я думаю!

– А если нет? – спросил Ваня, холодея.

– Должны успеть. Сам ведь понимаешь. – Лучезар неуверенно пожал плечами, и тут вдруг Ваня заметил, что одно плечо у принца начало растворяться в воздухе, словно кусок сахара в горячем чае.

– Что это с тобой? – испугался он за друга.

– А, это заканчивается действие проявляющего порошка. – В этот момент у Лучезара поплыло второе плечо, а в животе образовалась дыра. – Надо спешить, а то еще через пару минут ты меня ни увидишь, ни услышать не сможешь. Я же из волшебного мира, а в твоём мире все волшебники невидимы и неосязаемы, забыл?

– Да, помню. Как Дед Мороз.

– Точно. На, закройся щитом! И руку мою держи крепче, пока ты еще можешь ее чувствовать!

Ваня схватил протянутую руку принца и зеркальный щит. На прощание посмотрел на Снежка, сидящего у его ног. Виляя хвостом, пес взглядом умолял взять его с собой.

– Не скучай, я скоро! – прошептал мальчик. – И сиди тихо! – добавил он, чувствуя, как исчезла твердая опора под ногами.

Перед глазами все замелькало, а в ушах засвистел ветер. Волосы взметнулись, как во время прыжка. Ваня зажмурился. Его обдало морозным воздухом, но всего на мгновение, и тотчас стало снова тепло. Но запах! Какая резкая вонь ударила в нос! Ваня вспомнил, как однажды мама поставила мясо на стол, чтобы оно разморозилось, а папе оно помешало. Он убрал его на кухонный шкаф, и оба об этом забыли. Вспомнили через пару дней, когда сверху начало вонять. Запах был похож, но в сто раз сильнее. «От такой вони можно и в обморок упасть», – подумал Ваня, почувствовав под ногами неровную опору – впившиеся в босые ноги острые углы холодных скользких камней. Открыв глаза, он вначале ничего не смог увидеть. Вокруг было темно. В следующий миг в рассеянном сиянии зеркального щита проступили своды пещеры и еще кое-что, живое и шевелящееся. Черное море лысых голов колыхалось совсем близко, а справа еще белел сияющий проем в параллельный мир. Его мир, ставший теперь таким далеким.

Рука Лучезара выскользнула из Ваниной ладони, вспотевшей от страха. Перед лицом взметнулось нечто огромное. Потoki воздуха окатили Ваню, в ворот пижамы что-то вцепилось, и неведомая сила оторвала мальчика от земли, унося вверх на гигантских крыльях. Сверху над собой он увидел расширяющийся круг голубого неба и золотистый краешек солнца. Понял,

что летит, болтаясь в зубах дракона. В глаза брызнул ослепительный свет, а жерло вулкана под ними начало удаляться.

Вдруг из темной глубины выплеснулся сгусток черного тумана и вытянулся длинным языком, пытаясь достать его ноги, но лишь лизнул слегка его голые пятки и с шипением умчался обратно, внутрь круглого проема, гонимый прочь солнечными лучами.

А впереди раскинулись каменистые просторы Звездной Долины с волнистой линией рыжих холмов справа у горизонта. Ваня облегченно вздохнул: им удалось вырваться из опасного места! Вдруг воротник пижамы затрещал и оторвался, а мальчик с ужасом почувствовал, что падает. Не успев испугаться, мягко шлепнулся на драконью шею. Огнегор успел нырнуть вниз и подставить ему свое тело. И хотя Ваня за последние несколько минут не раз был на краю гибели, он каким-то чудом все еще был жив. «Что ж, – подумал он, неожиданно успокаиваясь, и даже улыбнулся. – Ведь это волшебный мир, и чудеса здесь – самое обычное дело».

Судьбоносные Врата Неживения

У входа во дворец стояла целая толпа людей с обращенными к небу лицами, на которых застыло выражение крайнего беспокойства. Люди стояли, не шевелясь, будто боялись пропустить важное событие. Несколько десятков пар глаз с тревогой вглядывались в пустоту. И вдруг все они одновременно вспыхнули надеждой. Люди как по команде взметнули вверх руки, указывая на движущуюся издалека точку и выкрикивая:

– Летят! Летят!

На этот раз – в отличие от ста предыдущих – они не ошиблись: это была не птица. Когда точка подросла, стало ясно, что к ним приближается дракон, знакомый всем Огнегор. А когда разглядели распластавшуюся на нем мальчишескую фигуру, взорвались аплодисментами и приветственными возгласами:

– Да здравствует Ваня, Великий Спаситель Неявь-мира!

Стоило дракону коснуться лапами земли в цветущем королевском саду, как Ваню, который даже слезть с его спины не успел, подхватили на руки и понесли во дворец. Он заметил в толпе знакомые лица лекаря Апчиха, королевы Весняны, принцессы Дождинки, короля Солнцецек, королевы Листопадии, а также известных в Неявь-мире предсказателей Седоборода и Огнеборода. «Интересно, а Живинка тоже здесь?» – подумал он и тут же увидел ее. Смесь радости и тревоги отражалась в круглых карих глазах девочки. Она встала на цыпочки, вытянула руку и энергично помахала ему.

Когда Ване, наконец, удалось прорваться сквозь многочисленную толпу, он тотчас угодил в объятия старых друзей. И, несмотря на то, что повод для встречи был совсем не радостный, мальчик в этот момент был невероятно счастлив. С тех пор, как Ваня покинул Неявь-мир в последний раз, прошел год, по меркам его мира. Здесь же минуло целых триста шестьдесят пять лет, но все, кого он знал, почти не изменились и совсем не постарели. У королев Весняны и Листопадии были такие же молодые и цветущие лица, девчонки Дождинка и Живинка немного подросли, но не больше, чем сам Ваня, а король Солнцецек из худого изможденного пленника, долгое время находившегося в темноте Мрачного Леса (таким его запомнил Ваня), превратился в круглолицего румяного весельчака. Щеки его походили на маленькие солнышки, алая на улыбчивом лице. Седобород и Огнебород стали похожи друг на друга белыми бородами, их запросто можно было перепутать между собой. Прежде борода у Огнеборода была огненно-рыжей, а у Седоборода – угольно-черной, но из-за трагических событий в прошлом оба поседели.

В Тронном зале все было по-прежнему: много света и густой запах цветов. Вдоль стен стояло множество ваз с пышными букетами из белых и розовых роз. Королева предпочитала нежные оттенки. Хотя нет! Ваня улыбнулся, заметив на круглом столике у окна букет незабудок. Наверное, после того, как Весняна обрела потерянного сына Лучезара, эти невзрачные синие цветочки не покидали вазу в память о чуде, и хотя они давно высохли, но всё же не утратили яркого небесного цвета. Там же стояла и клетка со знакомым ему соловьем, старательно выводившим трели. Ваня перевел Весняне с птичьего языка:

*«Веснянушка – моя душа,
Ты, будто роза, хороша,
Пышная, пахучая
И слегка колючая!»*

– Спасибо, мой сладкоголосый! – похвалила королева любимую птицу, казалось, не заметив двусмысленности комплимента: ведь розы были ее любимыми цветами, и наличие у них шипов казалось ей вполне естественным. Ваня обратил внимание на распахнутую настежь дверцу в изящной золотой клетке и понял, что Весняна больше не держала соловья взаперти.

Подали изысканный обед. И хотя от разнообразия блюд у Вани разбежались глаза, есть совсем не хотелось. Тревожные мысли об опасном путешествии в потусторонний мир отбивали аппетит. Наверное, остальные тоже чувствовали тревогу, потому что засиживаться за столом никто не захотел. Вскоре все присутствующие перебрались в зал Совещаний. Ваня заметил генерала Тюльпана и советника Пиона, однажды разжалованных за предательство. Это означало, что негодники были прощены и восстановлены в должности.

– Что ж, раз все здесь, начнем, – произнес Седобород, поднимая руку, чтобы привлечь внимание собравшихся. Он подождал, пока перестанут греметь стульями, и продолжил: – Ваня, спасибо тебе за то, что ты снова прибыл на помощь в трудное время. Благовей дважды выбирал тебя, когда наш мир оказывался в опасности и даже на краю гибели.

«Потому, что у меня самое яркое сияние добра на свете», – подумал Ваня, вспомнив слова волшебника, но вслух ничего не сказал. Ведь он повзрослел и теперь знал, что хвалить себя нескромно, даже если это сказал сам Благовей.

– Дважды тебе удалось одержать победу над силами зла, – продолжал предсказатель из Снеговении. – Надеемся, что и в этот раз удача будет на твоей стороне. Лучезар наверняка рассказал тебе, что произошло, поэтому не буду тратить драгоценное время и повторяться. Перейду к делу. Тебе предстоит отправиться в Неживению – страну вечных снов, а это очень рискованно. Ведь там загробный мир, и твоей душе придется на время покинуть тело, и если не успеешь вернуться вовремя, то....

– Знаю. Останусь на том свете навсегда, – договорил Ваня, избавляя Седоборода от необходимости произнести неудобную фразу.

– Что ж, нечего скрывать. Это так, – кивнул тот, сдвигая белые брови.

Среди сидящих пронесся взволнованный шепот. Седобород жестом призвал всех к тишине и продолжил:

– Еще более опасно то, что ждет тебя на той стороне. Мы точно не знаем, но, возможно, идет битва между светлыми и темными духами, а может, уже произошла, и никому из присутствующих здесь не известен ее исход. Страшно подумать, среди какого мира ты окажешься, если там победила Вечная Тьма. И все же остается надежда, что добрые волшебники выстояли или еще держатся и ты найдешь тех, кто поможет тебе выполнить задание – вернуть волшебную палочку Благовея, чтобы Неживей перестал посылать злостней в твой мир. Ты ведь знаешь об этом?

Ваня кивнул, нахмурившись при упоминании жутких существ.

– Тебе придется отыскать Неживея и найти способ сладить с ним. Вечная Тьма коварна. Она будет тебя обманывать и попытается переманить на свою сторону.

– Не выйдет! – уверенно воскликнул Ваня. – Даже не представляю, что может заставить меня перейти на ее сторону!

– Тьме удалось проделать это с правителем страны вечных снов Неживеем. Будь осторожен. Она способна на такие хитрости, о которых ты и помыслить сейчас не можешь, – возразил Седобород. – Твоя храбрость достойна восхищения, но одной храбростью тут не обойдешься. Ты должен быть все время начеку.

– А я, что же, один туда пойду? – От этой мысли Ване стало не по себе.

– Думаю, что все присутствующие готовы отправиться вместе с тобой. Но толпой ввалиться в Неживению неразумно. Неживей тотчас узнает об этом и пошлет свое войско навстречу вам. Нет. Войти туда надо тихо, как будто просто новая душа явилась после смерти тела, – объяснил предсказатель и добавил: – Но и одному нельзя. Выбери себе попутчика.

– Я пойду с Ваней, – поспешно вызвался Лучезар, отчего Весняна схватила за сердце.

– Нет, я! – заявила Живинка. – Ты уже свой долг исполнил, доставил Ваню из Явь-мира, рискуя попасться злостням! Теперь моя очередь!

– Где двое, там и трое, – вмешалась Дождинка. – Я с вами.

– Крошка моя! – выдохнула Листопадия, бледнея. – Я этого не переживу!

– А я не переживу, если буду отсиживаться здесь, пока мои друзья рискуют жизнью для спасения мира! – ответила принцесса с вызовом, от чего королева Осении хоть и не упала в обморок, но заметно пошатнулась и обреченно закрыла глаза.

– И я не останусь! – добавил Лучезар. – Я решил, что иду с Ваней, и не пытайтесь меня останавливать.

Спор продлился до самого обеда. Матери пытались отговорить детей, как могли, и, в конце концов, Дождинка и Лучезар отступили под родительским натиском. Решено было, что в страну вечных снов отправятся Ваня и Живинка, приняв на рассвете зелье Апчиха. Для каждого лекарь выдал по флакончику, предупредив, что одного глотка достаточно, и снабдил их специальными каменными часами, которые нельзя было разбить или сломать как-то еще. Часы были совсем не похожи ни на один вид часов, известных Ване: просто круглый прозрачный камень. Апчих сообщил, что, как только дети примут призрачное зелье, нужно стукнуть камнем о твердую поверхность, например, об пол или стену, и включится отсчет времени – камень начнет чернеть. Происходить это будет постепенно. Вначале в месте удара появится крошечная черная точка, которая будет увеличиваться до тех пор, пока весь камень не почернеет. Глядя на него, дети будут видеть, сколько еще времени у них осталось.

Ночь выдалась бессонной. В ожидании рассвета Ваня так и не сомкнул глаз, разглядывая стоящую на прикроватном столике пузатую бутылочку с магической жидкостью, а когда первый солнечный луч заглянул в окно, решительно откупорил пробку и, не нюхая, сделал глоток. Прислушался к ощущениям – ничего. Только вот спать захотелось просто нестерпимо. Руки вдруг стали ватными, и, едва успев поставить флакон на место, он почувствовал, что засыпает. В полудреме заметил, как дверь спальни приоткрылась, и в проеме показалось лицо Лучезара. Но в тот же миг перед глазами у Вани все поплыло, очертания спальни исказились и сделались прозрачными, как кисель, а потом совсем растаяли, и вместо них проступила поверхность каменной стены из угловатых булыжников. Ваня вскочил с кровати, озираясь и удивляясь произошедшим переменам: пушистый ковер и лакированный паркет королевской спальни превратились в каменную поверхность. Солнечный свет потускнел, и, подняв голову, Ваня увидел над собой черное небо. Вдруг чья-то рука легла ему на плечо, и он в испуге вздрогнул, но, увидев рядом с собой насмешливо улыбающуюся Живинку, обрадовался.

– Страшно? – Она, как обычно, его поддразнивала. – Еще и шагу ступить не успел, а уже боишься!

– Можно подумать, ты не боишься, – буркнул Ваня, досадуя, что она заметила его испуг.

Место выглядело уныло в хмуром полумраке: серая пустыня сливалась вдали с чернотой неба. Кое-где желтели высохшие клочки скудной растительности – признак того, что в этом мрачном месте давно не было солнечного света и дождя. А прямо перед ними возвышалась каменная стена с пустыми проемами окон. «Похоже на древний заброшенный замок, – подумал Ваня. – В нем, должно быть, полно привидений». Он опасливо изучал оконные проемы: казалось, из замка за ними уже наблюдают.

– Почему здесь так темно и уныло? – Живинка озиралась по сторонам. – И совсем непонятно, куда идти...

– Можно для начала исследовать замок. Уверен, что внутри кто-то есть. – Ваня потрогал стену. Холодная, твердая. Настоящая, как будто. Осмотрел себя и удивился, обнаружив, что одет в куртку, брюки и ботинки. Ведь помнил, что лег в постель босиком и в пижаме. Проверил карманы и, нащупав твердый круглый предмет величиной с кулак, извлек его наружу. Это были каменные часы. Вспомнив инструкции Апчиха, Ваня легонько ударил ими о стену, чтобы запустить отсчет времени. В другом кармане обнаружили очки лекаря. Тот дал их ему со словами: «Надень, когда одолеют сомнения. Они покажут тебе то, что искажено». И очки, и каменные часы Ваня оставил на столике у кровати. Как же они оказались в карманах? «Навер-

ное, это как во сне, – решил он. – Там обычно обнаруживаешь себя в другой одежде, а вовсе не в пижаме, в которой лег спать. И разные предметы попадают в сон точно так же благодаря воображению».

Угрюмый замок хранил таинственное молчание: из оконных проёмов не доносилось ни звука.

– Надо найти вход и узнать, есть ли кто внутри, – предложил Ваня, сгорая от любопытства. Перспектива повстречаться с призраком будоражила воображение и пугала одновременно.

– Страшновато... Но разведку сделать надо. – Живинка взяла его за руку. Прикосновение оказалось вполне осязаемым, как в обычной жизни. Ваня подумал, что во сне тоже так бывает. Но все-таки странно было почувствовать касание, зная, что тело осталось в другом мире. Интересно узнать, какие законы действуют в стране вечных снов. Пока Ваня размышлял, Живинка, глазевшая по сторонам, кого-то заметила:

– Смотри, к нам, кажется, идет какой-то человек!

В туманном сумраке рядом со стеной замка проступили очертания невысокой фигуры, движущейся им навстречу. Незнакомец шел, размахивая руками перед лицом, тщетно пытаясь разогнать мутную пелену, и вдруг крикнул голосом Лучезара:

– Ваня, Живинка, это вы там? Ничего не видно!

– Лучезар?! Как ты очутился здесь? – Ваня радостно поспешил навстречу другу. – Ты ведь должен был остаться во дворце!

– Ни за что! – Белозубая улыбка принца сверкнула во мгле. – Я глотнул зелье, оставшееся в твоём флаконе, и теперь иду с вами!

– А я допила то, что осталось у Живинки, – раздался из тумана знакомый писклявый голосок, и перед ними появилась Повелительница Дождя.

– Вот тебе твоя мама устроит, когда вернешься! – воскликнул Лучезар, явно восхищенный смелым поступком Дождинки.

– И тебе твоя устроит! – насмешливо огрызнулась та. – Я уже взрослая. Сама знаю, что мне делать!

– Выходит, нас теперь четверо. – Ваня огляделся. – Может, еще кто-то выпил зелье и присоединится к нам? Того и гляди, Апчих нарисуетя!

В этот момент они и в самом деле увидели человека, выступившего из мрака, но это был не лекарь. Незнакомец был намного выше и шире в плечах, а головной убор его, изрядно потертый, напоминал шлем летчика. Да и вся одежда на нем выглядела поношенной, с многочисленными прорехами и заплатками. Мужчина не спеша подошел и поприветствовал их:

– Добро пожаловать на другую сторону жизни! Сразу четверо! Не часто увидишь столько новеньких одновременно! – Его колючий недобрый взгляд глубоко посаженных маленьких глаз изучающе скользил по их лицам.

Вид у мужчины был суровый. Возможно, такое впечатление складывалось из-за грубых черт лица: низкий лоб нависал каменной плитой, придавившей глаза, под которыми вздымались буграми широкие скулы; массивный подбородок оттягивал вниз синеватые, покрытые густой щетиной щеки. Незнакомец прошелся перед ними, засунув руки в карманы кожаной куртки. Мелкие камешки захрустели под тяжелыми грязными башмаками.

– А кто вы такой? – выпалила нетерпеливая Дождинка, и тот, пренебрежительно фыркнув, ответил:

– Страж Судьбоносных врат! – Произнесено это было так, будто «страж» на самом деле означало как минимум «король», если не больше. – Встречаю новичков и показываю дорогу к вратам.

– Очень кстати, а то мы совсем не знаем, куда нам идти! – обрадовалась принцесса. – Это далеко?

– Рядом совсем! – Страж неопределенно махнул рукой в сторону, но в тумане невозможно было разглядеть ничего, похожего на ворота.

– А что за воротами? – спросил Ваня настороженно.

– Это зависит от вас самих – кому на светлую сторону, а кому на темную. – И человек рассмеялся недобрый смехом. – Хотя с некоторых пор и на светлой стороне стало не очень светло.

– Почему это? Отчего небо такое черное и низкое? – полюбопытствовала Живинка.

– Прежде небо было высоким и прозрачным, как родниковая вода. – Страж исторг тягостный вздох и нахмурился еще больше, отчего густые черные брови сошлись на переносице. – Теперь все изменилось: с каждым днем становится только темнее, а небо приближается к земле. И Тьма скоро выйдет из берегов.

– Из берегов? – переспросил Лучезар, надеясь услышать подробности.

– Уж идемте, покажу.

Повернувшись к ним широкой спиной, человек быстро зашагал в туман. Остальные заспешили следом. Они так боялись потерять его из виду и заблудиться, что, когда он внезапно остановился, налетели сзади, едва не сбив с ног.

– Вы поосторожнее! – Страж обернулся и сердито сверкнул глазами. – Опомнитесь не успеете, как в бездну Вечной Тьмы свалитесь!

Все четверо начали извиняться, заметив, что ноги незнакомца находятся у края обрыва.

– Там пропасть, кажется? – Дождинка вытянула шею, глядя вниз, где клубилась черная туманная масса.

– Да, и в ней обитает Вечная Тьма, – суровым тоном пояснил Страж. – Этот остров висит прямо над бездной. Вам предстоит через нее перелететь, чтобы попасть на светлую сторону.

– Как перелететь? У нас нет крыльев, – удивилась Дождинка, на что Лучезар тут же предложил:

– А давайте, я обернусь драконом и всех перенесу. – И, повернувшись к Стражу, пояснил: – У меня Дар Оборотня.

– Дар отличный, но вряд ли тебе удастся им воспользоваться в этом месте. Ведь теперь у тебя теперь нет тела. – Страж презрительно усмехнулся.

– А кажется, будто есть. – Лучезар растерянно пожал плечами.

– Это не тело. Это твой фантом, – пояснил тот. – И на него твоя магия не подействует.

– Но я чувствую прикосновения. Землю под ногами, – возразил юноша. – Может, все-таки попробовать?

– Вперед! – Страж кивнул и, скрестив руки на груди, приготовился наблюдать процесс перевоплощения.

Принц отошел от края обрыва и ловко перекувыркнулся через голову, но встал на ноги в том же человеческом облике. Удивленно посмотрел на свои руки и ноги, присел и перевернулся через себя снова, но результат был тот же. В дракона он так и не превратился.

– Видишь, я же говорил, – хмыкнул Страж. – Потусторонний мир здесь. Теперь вам надо учиться управлять не телом, а духом. Все будет зависеть от силы вашего воображения. Когда-нибудь научитесь, если в пропасть не свалитесь, ха-ха! – Исторгнутый им короткий смешок прозвучал зловеще.

– Как же мы перелетим без крыльев? – поинтересовался Ваня, подозревая, что Страж чего-то недоговаривает.

– А это уж кто что заслужил, – ответил тот многозначительно. – Кто достоин светлой стороны, у того крылья за спиной вырастут и упасть не дадут, перенесут на другой берег. А кто дела злые творил или, еще хуже, в объятиях злостней побывал, тем дорога в прорву черную. Во Тьму на веки вечные. – При этом он потер ладони, будто последнее высказывание доста-

вило ему удовольствие. Точно он предвкушал интересное представление. – Ну что, готовы к испытанию?

– А можно подождать? – робко пискнула Дождинка. Ее слегка потряхивало. – Надо же настроиться.

– Ждите хоть целую вечность! – весело гоготнул Страж. – Но знайте: чем дольше тянете, тем меньше шансов. Зато мне не будет так скучно.

– А вы тут совсем один живете? – любопытствовала Живинка, и по лицу ее Ваня понял: этот странный тип нравится ей все меньше. Впрочем, и Ване тоже.

– Один ли я живу? Да, но вряд ли это можно назвать жизнью! – Мужчина захохотал во все горло, будто сказанное показалось ему невероятно смешным.

Ваня вспомнил, как однажды с мамой ездил на птичий рынок, чтобы купить корм для рыб, и видел там толстого огромного гуся. Гусь стоял, растопырив крылья в стороны, и оглушительно гоготал, дергая шей и раскрывая сплюснутый клюв. Гогот Стража был в точности как у того гуся. Даже шей он дергал похоже, с той лишь разницей, что его шея была куда короче. И отчего ему так весело, спрашивается? Скучно, наверное, все время одному на острове торчать, вот и веселится при любом удобном случае.

– Ну так что? Счастья пытаться пойдете или время тянуть будете? – спросил он, отсмеявшись и вновь сделавшись суровым и хмурым.

– Ведите, чего тянуть, – решил Ваня.

– И правильно, – кивнул тот. – От судьбы никуда не уйдешь. Следуйте за мной. – И пошел вдоль обрыва вправо.

Они шли довольно долго по самому краю пропасти. Глаза постепенно привыкли к сумраку, и видимость стала немного лучше. Черный туман внизу выглядел жутко. От вида движущихся густых клубов у Вани мурашки ползли по спине. Туман был словно живой. Он шевелился, дышал и, казалось, чуял их, словно хищный зверь добычу. И еще он тянулся к ним, выплескивая вверх длинные тонкие черные струи, похожие на множество жадных рук. Как можно шагнуть туда, надеясь на то, что каким-то чудом вырастут крылья? А если они не вырастут?! Ваня боялся, что не сможет сделать это сам. Попросит Стража, чтобы он его толкнул. Вот девчонки над ним посмеются! Хотя, скорее всего, им будет не до смеха.

Остановились у высокой арки, выложенной, как и замок, из крупных булыжников. Арка стояла на краю обрыва сама по себе, никаких стен вокруг нее не было. Ворот в ней тоже не было.

– Это вход, – пояснил Страж и потер гладкие, отполированные ветром камни.

– Вы говорили о воротах, – напомнила Живинка, удивленно разглядывая странное сооружение.

– Врата, а не ворота, – поправил ее тот.

– А разве это не одно и то же? Какие же это врата, если нет дверей, которые можно запереть? – недоумевала девочка.

– Зачем их запирают? – Страж хмыкнул. – Туда всем позволено пройти, а обратно нет пути. Зато на вратах есть напутствие. Читайте.

Тут Ваня заметил высеченные на каменной поверхности Врат знаки, которые вначале принял за трещины. Буквы хоть и выглядели чужими, но почему-то он смог их прочесть. Написано было вот что:

*«Лежит перед тобою путь,
Назад не возвратиться.
Что суждено тебе – тонуть
Или взлететь, как птице?
В душе своей найдеишь ответ,
Шагай, и будь, что будет.»*

*Пусть крыльев за спиною нет,
Но Свет и Тьма рассудят».*

– Видите, Свет и Тьма рассудят, какую загробную жизнь вы заслуживаете! – пояснил Страж, дождавшись, когда все прочтут надпись. – Ну что? Кто первый?

– А можно всем вместе? – дрожащим голосом спросила Живинка.

– Как будет угодно. Только если кто из вас вдруг камнем вниз полетит, и остальных за собой утянуть может, – предупредил Страж таким тоном, будто именно этого и хотел.

– Значит, вместе и упадем в бездну, – обреченно прошептал Лучезар.

Дети по очереди прошли в арку и встали на краю обрыва, взявшись за руки. Языки черного тумана на дне пропасти взметнулись вверх, и Ване даже показалось, что он расслышал глухое жадное урчание. Получится или нет? Сердце его колотилось, как клюв дятла, грозя продырявить грудную клетку. Странно, ведь сейчас у него нет сердца. Оно осталось в его теле, лежащем в кровати в дворцовой спальне. Почему же он чувствует, как оно стучит? Почему подкашиваются ноги и пересохло во рту? Разве у призраков так бывает?

– Давайте на «раз, два три»! – Ваня зажмурился перед роковым прыжком. – Готовы?

– Да! – ответило ему дружное трио охрипших от страха голосов.

– Внимание, я считаю! Раз! – Сердце Вани, и без того бешено колотившееся, забилося ещё быстрее. – Два! – Воображаемая рубашка взмокла и прилипла к несуществующей спине. – Три!

Ваня шагнул в пустоту и камнем полетел вниз. Неистовый девичий визг резанул слух. Вопль Лучезара походил на рев раненого животного. Они падали! Ужас, о, ужас! Они со свистом мчались ко дну, а сверху раздавался жуткий гусиный гогот Стража и страшные слова:

– Глупцы! Я же пошутил! Здесь раньше был мост, да он рухнул! А надпись на воротах для таких дурачков, как вы!

В лицо смрадом дышала Вечная Тьма, готовая поглотить их своим вечно голодным бездонным чревом. «Вот и конец», – решил Ваня и открыл глаза, чтобы взглянуть в лицо своей гибели. Что-то вдруг сверкнуло во мраке, серебристое, как свет звезд. Пыхнуло ярким сиянием, ослепив. Ваня почувствовал, как упал на нечто трепещущее, воздушное, как парус, и тотчас его понесло вверх. Он все еще держал за руки девочек, которые тоже барахтались в этом сияющем пышном покрывале по обе стороны от него. Прямо над ухом завопил Лучезар. Каким-то невообразимым чудом стремительное падение внезапно сменилось не менее стремительным взлетом!

Зырготсок и Мертвый Лес

Под ними показался спасительный берег, и хотя открывшаяся картина мало чем отличалась от унылых пейзажей острова, Ваня был несказанно рад видеть землю, будто лучше места на свете не существовало. Черная бездна осталась позади. Гибель откладывалась – по крайней мере, пока. Оправившись от шока, он разглядел, что движутся они на спине гигантской птицы. Это ее крылья оказались под ними в момент падения и спасли, не дав упасть. Это их трепет он ощутил, погружившись в пышное серебристое оперение. «Откуда взялся этот крылатый гигант?» – недоумевал Ваня, когда к нему вернулась способность мыслить. Трое его друзей сидели рядом, вцепившись в перья и изумленно вытаращив глаза. Наверное, их мысли сейчас, как и Ванины, состояли из одних вопросов.

Достигнув берега, птица пошла на посадку. Коснувшись земли, она пробежала немного вперед подобно самолету на посадочной полосе, и остановилась. Серебристые крылья опустились, и дети скатились с них друг за другом. Сказочное создание плавно повернуло голову, окинув их грустным взглядом блестящих глаз цвета утреннего безоблачного неба, словно желая удостовериться, что все пассажиры успели сойти, взмахнуло крыльями и взмыло в черные тучи. Все четверо завороченно следили за уменьшающимся серебристым силуэтом, сверкающим в вышине.

– Волшебство какое! – воскликнула Дождинка, первой нарушив молчание.

– Что за диковинная птица? – Живинка восхищенно тарачилась ввысь, как и все остальные. – Перья будто из тончайших серебряных нитей собраны! И мягкие, как пух.

– Не ожидала, что здесь водятся такие сереброкрылы! – задумчиво произнесла Дождинка, цепляясь взглядом за тающую среди туч светлую точку. – Правда же, сереброкрыл – подходящее название для этого красавца?

– Вовремя же он подоспел, – заметил Ваня. – Еще секунда, и мы провалились бы в черную пропасть. Оттуда уже нам было бы никогда не выбраться.

– А Страж-то какой оказался подлец! – воскликнул Лучезар, вскипая от возмущения. – Нет, вы слышали, как он над нами хохотал?!

– Просто гад! – поддакнула Дождинка, краснея от гнева. – Отправил нас на верную гибель! А еще Страж Судьбоносных Врат! И кто ж ему доверил такую ответственную роль?

– Кто-кто... Ясно: Неживей, – ответил Ваня. – Этот предатель теперь на стороне Вечной Тьмы. И Страж, наверное, последовал его примеру – перемертвел. Всех вновь прибывших сразу в пропасть посылает!

– Интересно, остался ли хоть кто-кто в Неживении на стороне Вечного Света? – произнесла Живинка с тревогой. – Найдется ли тот, кто поможет нам? И можно ли здесь кому-нибудь верить?

– Скоро мы узнаем ответы на многие вопросы. – Ваня пристально вглядывался в горизонт. – Для этого нам надо двигаться вперед. Будем надеяться, что наш Сереброкрыл – не единственное доброе существо, которое обитает в этих краях. – Он смотрел вдаль, пытаясь найти хоть какой-нибудь ориентир, чтобы выбрать направление, но тщетно. Однообразная каменистая пустыня, кое-где вздымавшаяся горными возвышенностями, поросшая редкими, скрюченными, как вензеля, сухими деревцами, не сулила им гостеприимной встречи. Низкое черное небо, похожее не на грозное, а, скорее, на задымленное, выглядело угрожающе и немного странно. Казалось, его заволокло не тучами, а гарью невидимого пожара. Клубы дыма над горами шевелились, будто скопище гигантских змей, и сыпали хлопьями пепла и сажи, медленно кружащимися в дымном воздухе.

– Похоже на черный снег. – Дождинка выставила вперед открытую ладошку и смотрела, как черные крапинки постепенно усеивают ее.

– Хотелось бы знать, что это такое. – Лучезар поддел носком ботинка рыхлый черный слой под ногами. – Пепелище, как после большого пожара.

– Немного пахнет горелым, чувствуете? – Живинка потянула носом и недовольно сморщилась. – Вдруг мы придем прямо в самое пекло?

– Выбора у нас нет, – возразил Ваня. – Позади – бездонная пропасть, так что идти все равно придется вперед.

– Пойдем куда глаза глядят. – Лучезар сделал несколько шагов и оглянулся на остальных, все еще стоявших в растерянности. – Ну, чего ждете? Наши приключения ждут нас вон за теми горами! – И он задорно подмигнул им, пытаясь подбодрить. – Разве вам не интересно?

Его решимость придала всем уверенности, и четверо друзей зашагали в неизвестность, настороженно обозревая суровые края и готовясь встретиться с опасностью в любой момент. Ваня заметил, что идти было на удивление легко, будто он стал весить втрое меньше. В остальном он не почувствовал разницы в ощущениях по сравнению с обычной жизнью. Тело его казалось прежним, каким оно было в мире живых. Он видел свои руки и ноги, чувствовал острые камни, когда наступал на них, и прикосновения его друзей были вполне ощутимы. Потусторонний мир представлялся ему иначе, вроде бескрайнего воздушного пространства, где повсюду парят похожие на мутную дымку бестелесные духи, и Ваня ожидал, что сам станет таким же, оказавшись там. Возможно, так оно и есть, а все, что он видит и чувствует, на самом деле нереально. Как сон. Во сне ведь тоже все кажется настоящим, и, лишь проснувшись, понимаешь, что побывал в иллюзии, созданной оставшимся без твоего контроля разумом. Разница может быть в том, что во сне все создано тобой, а здесь – кем-то другим, пока неизвестным. Несмотря на то, что неприятные шупальца страха щекотали его где-то внутри, любопытство Вани разгоралось с каждым шагом. Множество вопросов роились в голове. Есть ли в стране вечных снов день и ночь? Захотят ли они есть и спать? Почувствуют ли усталость от долгой ходьбы? Но получить ответы на них можно было только со временем.

Они шли, шли и шли вперед, но пейзаж вокруг почти не менялся. Лишь оглянувшись назад, можно было оценить пройденное расстояние по удаляющейся кромке обрыва, за которой зияла страшная пропасть, да по расплывчатым очертаниям висящего в воздухе острова с Судьбоносными Вратами, почти скрытого в тумане и узнаваемого по зубчатому краю каменного замка, выглядывавшему над серой завесой. Однако когда по мере удаления эти ориентиры скрылись из виду, им стало казаться, что они топчутся на одном месте. Первой закапризничала Дождинка.

– Идем, идем, а ничего не меняется! Мне кажется, что этот сухой колючий куст мне уже попался на глаза!

– Не думаю, – возразил Ваня, обозревая окружающее пространство. – Просто тут много похожих колючих кустов.

– Много кустов – и ни одной живой души! – присоединилась Живинка, не скрывая досады. – Я вообще подозреваю, что мы вечно будем так вот шагать и никуда никогда не придем.

– Да, а время у нас ограничено! – продолжила ныть Дождинка. – Где камень времени? Ты давно на него смотрел?

Ваня вынул из кармана прозрачный круглый булыжник, повертел его и заметил небольшое пятно с краю.

– Почти весь чистый еще, только маленькая черная крапинка, – сообщил он. – Времени еще много.

– Ну, это не значит, что мы должны им разбрасываться, – буркнула Дождинка сердито.

– Ты так ворчишь, как будто это что-то изменит, – попытался урезонить ее Лучезар. – Могла и во дворце остаться. Никто тебя не заставлял.

– А ты не умничай! – еще больше рассердилась маленькая принцесса.

– Нам всем, похоже, пора отдохнуть, – предложил Ваня. – Устали уже, вот и ссоримся.

– Где же тут отдохнуть? – Дождинка огляделась с недовольным видом. – Среди камней и колючек? Ни разу даже крошечный лесочек не встретился!

– Все равно давайте присядем ненадолго. – Ваня показал в сторону выбранного места. – Вот, смотрите, хоть это и не лесочек, но все же деревце. Возле него и расположимся.

– Какое же это деревце? – хмыкнула Живинка презрительно. – Просто сухая коряга!

– Тут вся растительность будто вымерла, – заметил Лучезар.

– Еще бы, если земля высохла, а вместо дождей идет черный снег. – Дождинка устремила в небо недовольный взгляд. – Хотелось бы знать, тут всюду так или есть места повеселее?

Они уселись прямо на каменистую землю у торчащих из земли корней высохшего дерева, и, вытянув ноги, Ваня заметил, что те гудят от усталости. Все-таки в стране вечных снов расстояния тоже не давались даром. К тому же явно клонило в сон. Прислонившись спиной к сучковатому стволу, он прикрыл глаза. Остальные последовали его примеру, устроившись вокруг дерева поудобнее, насколько это было возможно.

Проснулся Ваня от того, что земля под ним тряслась и подпрыгивала так сильно, что даже зубы лязгать начали. Открыв глаза, вдруг с ужасом понял, что перемещается куда-то. Что за наваждение? Подняв голову, он обнаружил, что вместе с друзьями лежит на дне какой-то повозки среди наваленных в беспорядке сухих веток. Колеса подпрыгивали на неровностях, отчего ему, уверенному, что он все еще лежит под деревом, почудилось землетрясение. Оглянувшись, Ваня увидел и того, кто тянул повозку, точнее, его сгорбленную спину в грязном плаще невнятного цвета – то ли болотного, то ли коричневого – и большие грубые руки, сжимавшие деревянные оглобли. Вокруг частоколом толпились стволы сухих корявых деревьев, подобных тому, у которого они присели отдохнуть. Их было очень много – целый лес. Мертвый лес. И выглядел он неприветливо. Искореженные ветки напоминали руки людей, которые только что отплясывали дикий танец и внезапно замерли. Голые стволы без единого клочка коры, отполированные ветрами, напоминали обглоданные кости великанов. Ни единого зеленого листочка не было на них, ни одной живой травинки не росло под ними. Мертвый лес выглядел жутко. Но еще более жутко делалось от вида сгорбленной спины незнакомца и непропорционально больших кистей рук, сжимавших деревянные палки оглоблей, словно они принадлежали другому, более крупному человеку. Окликать его было страшно. Куда он везет их, погрузив в телегу вместе с кучей сухих веток? Кем окажется – врагом или добрым другом, готовым помочь? И стоит ли это выяснять, или лучше сбежать потихоньку вместе с остальными, пока тот идет, не оглядываясь? Ваня посмотрел на безмятежные лица спящих друзей. Пока он разбудит их и все объяснит, незнакомец, скорее всего, услышит его. Вряд ли им удастся улизнуть незамеченными. И потом, они так долго шли по пустыне в надежде кого-нибудь встретить, что сейчас Ваню распирало от желания расспросить местного жителя об этом мире. Он окликнул его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.